

студенческий православный журнал

ВСТРЕЧА

1 (22) 2006

Трудные вопросы
богослужения

Посещение Святейшим Патриархом Алексием II
Московской духовной академии на престольный праздник
Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 2005 года

Поздравление Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси Алексия II
к 10-летию журнала «Встреча»

Ваше Высокопреосвященство, дорогой владыка ректор, уважаемые профессора, преподаватели и студенты Московской духовной академии и семинарии, Регентской и Иконописной школ, дорогие читатели!

Сердечно поздравляю вас с 10-летием студенческого журнала «Встреча» Московской духовной академии. Рождение журнала в 1996 году в день Сретения Господня стало знаменательным событием. Группа студентов-единомышленников взялась за смелое по тем временам дело — выпуск серьезного церковного издания. Немаловажно, что журнал стал интересен не только студентам духовных школ — его темы всегда актуальны и для светской молодежи, и для мирян, и для священников, и для монашествующих.

Становление и развитие журнала стало возможным благодаря поддержке Фонда единства православных народов и его президента Валерия Аркадьевича Алексеева. В настоящее время по Нашему благословению журнал издается в Художественно-производственном предприятии «Софрино» Русской Православной Церкви, директор которого Евгений Алексеевич Пархаев является одним из координаторов издания.

В Московской духовной академии редакция журнала стала одной из важных учебных площадок: здесь студенты получают навык журналистской, редакторской и организационной работы, вникают в непростые проблемы современной церковной жизни. Многие из тех, кто в студенческие годы работал в журнале «Встреча», ныне активно участвуют в жизни Русской Православной Церкви, преподают в духовных школах от Парижа до Хабаровска, трудятся на ответственных церковных должностях. У истоков журнала стоял и нынешний епископ Прокопьевский Амвросий (Ермаков).

Молитвенно желаю Вам, владыка ректор, профессорам, преподавателям, студентам и всем читателям журнала «Встреча» помощи Божией, единомыслия и взаимной поддержки в осуществлении важного дела — издании качественного церковного молодежного журнала, так востребованного в нынешнее время. Пусть «Встреча» и впредь будет серьезным православным изданием, объединяющим трудящихся на духовной ниве.

Божие благословение да пребывает со всеми вами!

Патриарх Московский и всея Руси

Нашему журналу — 10 лет!

Количество церковных журналов сейчас очень быстро растет, и наверняка немалой части выпускников духовных школ придется встретиться с издательской или журналистской деятельностью, когда они выйдут на церковное служение. Не будет преувеличением сказать, что редакция журнала «Встреча» — это вся Московская духовная академия, семинария, Иконописная и Регентская школы, где возникают и формулируются самые главные идеи журнала. Пусть журнал «Встреча» отметит еще не один свой юбилей, по-прежнему оставаясь нашим любимым детищем.

*архиепископ Верейский Евгений,
ректор Московской духовной академии*

Издание журнала никогда не было самоцелью. Редакция «Встречи» была своеобразным генератором студенческих идей, которые успешно реализовывались: от Дней открытых дверей Академии и межвузовских конференций до организации практик тюремного служения и создания Студенческого совета Академии и Семинарии. От лица «первой» редакции журнала хотел бы пожелать сотрудникам редакции сегодняшней верности традициям и творческих успехов. И не забывайте про учебу!

*иеромонах Петр (Еремеев),
проректор Хабаровской духовной семинарии,
редактор журнала «Встреча» 1996–2005*

Наши издания — не только друзья, но и практически ровесники, и оттого нам вдвойне приятно поздравлять с днем рождения журнал «Встреча». За эти 10 лет дружный коллектив студенческого журнала Московской духовной академии успел выпустить в свет целую серию замечательных публикаций, и тем самым занять свое место в кругу популярных православных изданий. Конечно, не всегда нашим коллегам по журналистскому цеху было легко, но, слава Богу, любые трудности успешно преодолевались, и сегодня мы с радостью желаем друзьям дальнейших успехов, вдохновения, и, конечно, Божьей помощи в трудах.

*Владимир Легойда,
главный редактор журнала «Фома»*

Самое главное качество журнала «Встреча», на мой взгляд, уже есть — это журнал весьма умный, но живой, то есть не замыкающийся исключительно в цеховых границах. Хотелось бы пожелать «Встрече» сочетать то, что так часто (и ошибочно) кажется несочетаемым: увлекательность и серьезность, научный подход и миссионерский пыл, свежесть взгляда и прочные культурные корни. В последние годы журнал развивается очень интересно как раз в этом направлении. Он уже явно перерос рамки «домашнего издания для своих».

Надеюсь, что «Встреча» станет одной из наиболее авторитетных площадок для разговора о вере, о церковной науке и церковной жизни, школой мысли и проповеди для будущего священства. Очень важно, чтобы миссионерский голос церковного студенчества был услышан и в светских вузах, чтобы православные перестали быть «маргиналами» — я думаю, журнал имеет большую перспективу в таком диалоге.

*Юлия Данилова,
главный редактор православного журнала
о делах милосердия «Нескучный сад»*

Всегоднешнем мире, полном подделок, всегда радуешься и удивляешься, когда встречаешь что-то настоящее. Сразу хочется этим настоящим поделиться с другим человеком, чтобы об этом узнало как можно больше людей. Журнал «Встреча» относится именно к этой категории настоящих «не-подделок» не только потому, что это печатное издание нашей главной духовной школы, а в первую очередь благодаря тем людям, которые начали и продолжают это очень нелегкое, но крайне необходимое дело.

Поэтому в сегодняшний 10-летний юбилей журнала мы желаем, чтобы он максимально расширил границы своей читательской аудитории, выходя «на встречу» как можно большему количеству людей.

Многая и благая лета!

*иерей Димитрий Карпенко,
заместитель редактора
молодежного журнала «Новый Ковчег», Белгород*

ВСТРЕЧА

1 (22)
2006

Студенческий православный журнал
Московской духовной академии

Издается
по благословию
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

Координаторы издания

архиепископ Верейский Евгений,
ректор Московской духовной академии

Е. А. Пархаев,
директор ХПП «Софрино»
Русской Православной Церкви

Главный редактор

Петр Королев

Редакционный совет

иерод. Пантелеимон (Шустов)
Николай Солодов
Георгий Капланов

Корректор

Елена Пахомова

Верстка

Игорь Третьяков

Фото

Денис Матвеев

Адрес редакции

141300 Московская область,
Сергиев Посад, Лавра,
Академия

Тел./факс: +7 (496) 540-6218

<http://www.mpda.ru>
<http://vstrecha.uchkom.ru>
vstrecha@mpda.ru

Издание зарегистрировано
Комитетом РФ по печати
Свидетельство о регистрации
№ 017290 от 6 марта 1998 года

Журнал издается попечением
ХПП «Софрино»
Русской Православной Церкви

Подписано в печать 08.02.2006
Оригинал-макет изготовлен
редакцией журнала «Встреча»

Отпечатано в ХПП «Софрино» РПЦ

Православное богослужение потрясающе красиво. В нем все гармонично соединено, так что не только человек сам внутренне собирается, но и вся Церковь в живом единении предстоит Богу.

В этом единомыслии Церковь поет и — не удивляйтесь — танцует. Хождение вокруг крещальной купели подобно тому, как Давид перед Ковчегом Завета «скакаше играя». Здесь все чинно и степенно, но все же это — танец радости и ликования. И исход на литию, и каждение, и вход с Евангелием (особенно впечатляющий на архиерейской службе) — своеобразные танцы. Тут обязательно чувствовать наперед каждый шаг другого, все должно быть стройно и гармонично, хор подстраивается

под духовенство, а духовенство ориентируется на хор. Когда это совершается «единым сердцем», то не так сложно «едиными устами» и тем более «едиными ногами».

Если в службе немножко ориентируешься, то следуешь по ней как по знакомой тропинке, не спотыкаясь и смотря не только под ноги. Если поют и читают ясно, то любишь пейзажами богословских образов; а если сердцем чувствуешь суть того, о чем читается и поется — то ты почти в раю.

Однако всякая неточность, ошибка, фальшь больно задевает человека, любящего богослужение, оказывается неожиданной ямой, скользкой корягой, буреломом на пути. Именно о сложных вопросах, касающихся богослужения, мы постарались говорить — с любовью и тоской по раю.

*Петр Королев,
главный редактор*

тема номера

Нити богослужения прядутся нелегко

Интервью с игуменом Андроником (Трубачевым),
членом Синодальной Богослужебной комиссии

6

На чужой приход со своим уставом?

Мысли вслух

9

Святая Чаша на Литургии преждеосвященных Даров

Актуальные размышления столетней давности

11

Откуда берутся акафисты?

Ф. Б. Людоговский

16

О чистом строе и духовном концерте

Интервью с монахиней Ольгой (Володиной)

20

Пока звонит тамтам

Константин Мишуровский

23

личность

«Я не делю себя на артиста и человека»

Интервью с Олегом Погудиным

27

ноты

Взбранной Воеводе

Радуйся, Невесто

иеромонах Нафанаил (Бочкало)

31

богословие

О Церкви и вечности

епископ Афанасий (Евтич)

35

На 1-ой странице обложки фото Петра Касаткина.

При использовании материалов ссылка на журнал «Встреча» обязательна.

философия

Христианство и машинная цивилизация

П. П. Гайденко

37

От Хайдеггера к Платону

Интервью с П. П. Гайденко

39

церковное искусство

Плащаница для Преподобного

Наталья Ершова

41

служение мирян

Свеча длиной в жизнь

Свечной цех ХПП «Софрино»
Русской Православной Церкви

46

пастырь

Встреча в Галилее

митрополит Сурожский Антоний

49

реакция

Как не сбрендить от брендов

Дмитрий Лолуа

56

чтение

Книжные анонсы

Высшая духовная школа в России в конце XIX — начале XX века
Академия у Троицы. Воспоминания. 1944–2004
Правила первых четырех Вселенских Соборов

60

летопись

От Покрова до Сретения

62

Редакция благодарит преподавателей и студентов
Московских духовных школ, участвовавших в подготовке этого номера.
Редакция будет рада сотрудничеству с новыми авторами, особенно со студентами.

Нити богослужения прядутся нелегко

Интервью с игуменом Андроником (Трубачевым),
членом Синодальной Богослужебной комиссии

6

Отец Андроник, Синодальная Богослужебная комиссия была сформирована в 1989 году. Какие задачи стояли перед ней тогда и какие стоят сейчас?

Сначала существовала богослужебная группа, которая участвовала в подготовке к празднованию 1000-летия Крещения Руси. Эта группа проделала большую работу, подготовила специальные чинопоследования к самому празднованию, написала тропари и кондаки святым, прославленным в 1988 году: благоверному князю Димитрию Донскому, преподобному Андрею Рублеву, преподобному Максиму Греку, святителю Макарию Московскому, блаженной Ксении Петербургской, преподобному Паисию Величковскому, святителю Игнатию

(Брянчанинову), святителю Феофану Затворнику, преподобному Амвросию Оптинскому.

Когда богослужебная группа в 1989 году была преобразована в Синодальную комиссию, основные задачи остались те же: как тогда, так и сейчас мы в первую очередь занимаемся составлением новых служб. Время от времени Святейший Патриарх поручает нам подготовить ответ на какой-то чисто литургический вопрос, возникающий по ходу церковного года, или же дает специальное задание в связи с празднованием определенного события. Например, мы составляли чин празднования 2000-летия христианства; одним из основных авторов был митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир. По просьбе Святейшего

Патриарха мы подготовили службу Собору Эстонских святых и работаем над созданием акафиста в честь Пюхтицкой иконы Божией Матери — Патриарх сердечно привязан к Пюхтицкому монастырю, и мы только рады воздать славу Эстонской земле.

Какие плоды работы комиссии Вы считаете самыми важными за последнее время?

В первую очередь стоит упомянуть службы царственным страстотерпцам, святителю Тихону, новомученикам и исповедникам Российским. Кроме того, уже полтора года идет и еще несколько лет будет продолжаться работа по составлению общих служб новомученикам по ликам: преподобномученику единому, священномученику единому, новомученику единому (мирянину). Впрочем, можно было бы лики поделить еще более подробно и, например, составлять различные службы священномученику архиерею и священномученику священнику.

В 2005 году вышла Дополнительная Минея, которая почти целиком состоит из служб, подготовленных комиссиями. Предполагается издание единого сборника служб новомученикам, а пока по мере составления службы публикуются в «Московских епархиальных ведомостях».

Богослужебная комиссия недавно внесла некоторые изменения в чин Литургии — в диалог священника и диакона после Великого входа.

Инициатива исправления Служебника исходила от Издательского Совета Московской Патриархии, с частью их предложений мы согласились, а часть не приняли — выступили здесь в роли консерваторов, постарались сохранить преемственность, может быть, отчасти формальную, с традицией XIX века. Хорошим вариантом нам показалось предложение Святейшего Патриарха издать учебный Служебник, в котором все особенности разъяснились бы в примечаниях.

В ходе дискуссии мы по многим вопросам советовались с духовенством, и чем старше были священники, тем чаще был ответ: «Можем служить и так, и так, но лучше оставить, как есть». Когда человек по своему опыту и житейскому, и благодатному, и профессионально священническому подходит к какому-то рубежу, его эти вопросы перестают смущать.

Например, рассуждения о том, что молитва Третьего часа «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа...» разрывает молитву Евхаристического канона — не вполне правомерны, в первую очередь об этом говорят люди, которые сами никогда не служили. Вроде бы формально происходит разрыв, но если мы возьмем Херувимскую песнь — разве там поминовение Предстоятеля и всех молящихся не разрывает единый текст Херувимской песни? Разрывает. Но это никого не смущает. В ткани богослужения нити идут не прямолинейно, они изгибаются, взаимопроникают, сопрягаются с дру-

гими, и служба воспринимается не как логическая структура, а более глубоко. Возьмите молитвы, которые составлял и читал на Литургии святой Иоанн Кронштадтский — разве они не разрывают привычный текст? А эти молитвы точно выражали его молитвенное состояние.

Возникают ли новые последования, обусловленные новыми реалиями современной жизни?

Конечно, возникают, например, Сретенский монастырь опубликовал чин освящения самолета и чин благословения в воздушное путешествие. Один раз нам предложили рассмотреть чин о сохранении девства у молодого поколения, но мы решили, что такое выпячивание проблемы может привлечь ненужный интерес. Такие вопросы должны решаться более сокровенно, на исповеди, в беседах, совершенно необязательно это вносить в общественное богослужение и говорить во всеулышание Церкви и общества, что у нас, мол, поколение блудное.

Отец Андроник, на Архиерейском Соборе 2004 года было принято положение о епархиальных богослужебных комиссиях. Принесло ли это начинание уже добрые плоды?

Комиссии есть, но поступающие к нам тексты, конечно, нуждаются в доработке. Впрочем, мы не надеялись на моментальный эффект. При Академии сначала был иконописный кружок, сейчас — Иконописная школа, во многом под их влиянием за последние 20 лет иконописание в Церкви поднялось на совершенно другую ступень, сейчас стало гораздо больше хороших икон, они стали намного более доступны для верующих. Так же надо бы создать гимнографическую школу, где обучать людей составлять богослужебные тексты, учить их уставу, литургике и всему остальному. Гимнография — не менее сложный вид творчества, чем иконография. Песнописец творит строго в русле канона, но это должно быть именно благодатное творчество, а не механическое компилирование.

Для работы нужны справочники по богослужебным текстам, нужны исследования, которые бы четко выявляли специфику русских служб — у нас ведь другая ритмика, чем у греков, с греческими наши тексты связаны в первую очередь содержательно, а не по стихотворной форме.

Предполагалось, что именно епархиальные богослужебные комиссии будут играть роль гимнографических школ?

Так и будет, наверное, но это очень длительный процесс. Сначала они будут отсекают совсем некачественные тексты.

Работы у комиссии, очевидно, много, собирается ли она в связи с этим привлекать студентов духовных школ?

Наша комиссия небольшая, но это довольно тонко устроенный организм, мы стараемся дорожить сложившейся творческой атмосферой. С 1995

фото Дениса Матвеева

*Игумен Андроник (Трубачев)
и архимандрит Матфей (Мормыль)
трудятся в Богослужбной комиссии
со дня ее основания.*

8

года работу возглавляет архиепископ Орехово-Зуевский Алексей, сейчас в состав входят архимандриты Матфей (Мормыль) и Макарий (Веретенников), игумен Иоанн (Самойлов), протоиерей Сергей Правдолюбов, иеромонах Петр (Ерышалов) и я. На заседаниях мы обсуждаем каждую строку составляемого текста, и трудно говорить о привлечении студентов именно к этому процессу. Были случаи, когда семинаристы писали службы, однако в первую очередь я бы посоветовал им обратить свое внимание на глубокое изучение русского гимнографического наследия.

Какова схема утверждения новых богослужбных текстов — от момента написания и до получения официального благословения на церковное использование?

Обычно архиерей поручает кому-то написать службу, либо сам благочестивый человек, движимый любовью к святому, пишет текст. Его творение поступает в епархиальную богослужбную комиссию, возглавляемую местным владыкой и включающую историка, литургиста и специалиста по церковнославянскому. Если комиссия принимает текст, она отправляет его на имя Святейшего Патриарха, и уже с патриаршей резолюцией текст поступает к нам. Кому-то мы отправляли текст обратно на доработку, но и доработка зачастую бывает недостаточной. Поэтому те тексты, которые Святейший поручает подготовить в первую очередь, мы сами перерабатываем, на их основе вместе составляем

службу. Получившийся в итоге текст принимается на Синоде и сохраняется как приложение к журналу заседаний, а копия отправляется в Издательский Совет Московской Патриархии. Дальше уже Издательский Совет предоставляет эту службу церковным издательствам.

Когда-то в России духовная цензура распространялась и на нотные издания. Занимается ли Богослужбная комиссия музыкальной составляющей богослужения?

Непосредственно нотами мы не занимаемся, но тексты стараемся пропеть, чтобы совпадали ударения мелодического, грамматического и содержательного. Мало того, чтобы текст был составлен хорошо, нужно, чтобы и при пении смысловое ударение не повисло из-за несогласованности с мелодией.

Вероятно, должна быть еще одна синодальная комиссия, собственно литургическая, которая занималась бы уставом, порядком его исполнения в монастырях и на приходах, календарными вопросами, церковно-певческой тематикой. Даже если нас обязать этим заниматься, ничего не получится — для этого придется нас сначала освободить от всех остальных нагрузок, чтобы мы заседали каждый день.

*Беседовал Петр Королев,
5 курс МДС*

На чужой приход со своим уставом?

Мысли вслух

На вопрос о возможности унификации приходского устава мы попросили ответить тех, для кого арифметика и комбинаторика Типикона — не отвлеченная теория.

фото Анны Любимовой

Иеромонах Варнава (Лосев),
и. о. благочинного Покровского
Академического храма

Унификация приходского устава и создание новой редакции Типикона — очень важная и необходимая задача. Богослужение в том виде, в каком оно представлено в уставных указаниях Типикона, может быть реализовано только в монастыре, а не на приходе, где в настоящее время сложилась совершенно иная богослужebная схема. Кроме того, после прославления новомучеников сильно изменилась ситуация с праздниками, и мы регулярно встречаемся с необходимостью совершать такие службы, которые Типиконом не предусмотрены, например, соединять службу двум святым, которым положено бдение. Практика переноса служб, которая была раньше, сейчас тоже не работает, повечерие ради чтения канона никто служить

не будет. Издания, подобные Богослужebным указаниям, решают этот вопрос лишь частично. Поэтому нужны опытные уставщики, которые смогли бы в духе Типикона написать, как служить подобные службы.

Богослужebные традиции Московской духовной академии ориентированы в первую очередь на приходское служение. Священники, которые здесь учились и проходили богослужebную практику, и на приходе будут служить так, как их научили в Академии. Однако академическая богослужebная традиция по большей части устная. Поэтому перед нами стоит очень важная задача — письменно зафиксировать все, что так или иначе относится к богослужebным традициям Академии. Это работа не только для уставщиков. Здесь должны потрудиться и пономари, и иподиаконы, и диаконы. Итоги проведенной работы могут стать хорошим подспорьем для создания приходского Типикона.

9

Протоиерей Сергей Правдолюбов,
член Синодальной Богослужебной комиссии

Сейчас есть тенденции приблизить богослужение к Типикону Саввы Освященного, к уставным требованиям Руси XVI века, минуя все то, к чему пришла Церковь в последующие эпохи. Опыт церковных сокращений — это не оскудение Церкви, а то, что выработалось в XX веке, в веке мученическом, это адаптация к современному состоянию — как духовному, так и физическому.

Различия между приходскими храмами до революции были минимальными — вся Россия служила одинаково, только от неопытности и вдохновения древними Типиконами молодые священники начинают творить, что хотят. Мы тоже по молодости служили уставные Всенощные бдения: с 8 часов вечера до 10 утра, но из-за немощи потом сокращали, сокращали и пришли к обычной приходской практике. А на недавнем собрании московского духовенства Святейший Патриарх Алексий и вовсе запретил такие бдения.

В Греческой Церкви письменная фиксация богослужебного устава для приходских храмов произошла в 1838 году, но у нас духовная и политическая ситуация гораздо сложнее: есть катакомбники, есть старообрядцы, есть приходы РПЦЗ, все очень внимательно на нас смотрят. Письменный приходской Типикон создаст норму, которая может быть не всегда полезна.

Но у нас есть образцы для подражания: крепкие традиции Патриаршего Богоявленного собора, Московской духовной академии, Троице-Сергиевой и Киево-Печерской Лавры. Эти устные и письменные предания надо блюсти, целесообразно было бы сделать полный обзор литургической практики XX — начала XXI века и издать в виде служебника с подстрочными примечаниями: где как служат. Такое издание было бы очень полезно и стало бы хорошим подспорьем молодым батюшкам. Подобные исследования наверняка поддержат и настоятели храмов, и наместники монастырей, а для литургистов это станет хорошей темой для дипломной, а то и кандидатской работы.

Игумен Спиридон (Письменный),
уставщик Киевского Свято-Троицкого
Ионинского монастыря

Существует целая когорта уставщиков, которые, осознавая тщетность попыток унифицировать богослужение, стараются придерживаться «золотой середины»: в главном — единство, во второстепенном — многообразие, и во всем — любовь. Так и Собор 1917–1918 годов не стал переделывать Типикон, лишь дал рекомендации по наиболее разумному сокращению богослужения.

Дело в том, что разные настоятели храмов придерживаются различных «течений» литургического богословия. Например, один в восторге от Пасхи, все проповеди у него сводятся к этому надмирному Празднику Праздников. Совершенно естественно, что в богослужении у него будет превалировать господский элемент, воскресный. Другой стоит на том, что «дивен Бог во святых Своих» — и вместо кафизмы в его храме будут читать акафист. Третий преклоняется пред Византией, а поэтому все изыски греческого богослужения находят у него кров и стол. Неужели их всех можно заставить думать одинаково?

Из-за попытки унификации богослужение очень много потеряло. Утеряно понимание того, что степень праздничности святых гораздо разнообразнее, чем деление, предлагаемое Типиконом. В «Ключе к Церковному Уставу» Никиты Сырника указано 44 богослужебных знака! Причем они составляют самые различные комбинации. Конечно, все это очень усложняет богослужение, но в том и искусство уставщика, чтобы из этих нитей сплести кружево. Если вместо кружев прийти полоски белой ткани — будет оборка, а изящества не будет. Когда уходит изящество — приходит дубовость.

Евгений Сергеевич Кустовский,
руководитель Московских
православных регентских курсов

Типикон ориентирован на непрерывное ежедневное служение, которое может позволить себе только монастырь, да и то не каждый. Приходское расписание служб — неизбежно дискретное, прерывистое. Как бы мы ни старались соблюсти все уставные требования Типикона, нам этого не позволит дискретное расписание. Отсюда и происходит неизбежное: каждый священник пытается устроить богослужение в своем храме, балансируя между тремя реальностями: реальностью устава, реальностью традиции и реальностью своего расписания. Например, и рад бы не служить чин великого водоосвящения дважды, да традиция такова. И рад бы начать первый час не с «Милость и суд...», а с «Глаголы моя...», да автобус от храма через пять минут отходит. И рад бы не петь «Покаяния отверзи ми двери» Веделя, да прихожане требуют.

Неужели при таких обстоятельствах стоит держать «под сукном» ту в высшей степени нужную и интересную работу, которую начали члены Поместного Собора 1917–1918 годов И. А. Карабинов, В. Д. Прилуцкий и владыка Евлогий (Георгиевский)? Несоставленный, неизданный, непринятый, неутвержденный, неблагословленный «Приходской Типикон» вот уже около века является укором нашей православной совести.

Фреска «Божественная Литургия»,
храм свт. Николая, остров Янина, Греция

Святая Чаша на Литургии преждеосвященных Даров

Актуальные размышления столетней давности

От редакции

Согласно церковному уставу, во время Великого поста не принято ежедневно совершать полную Литургию. С другой стороны, имея в виду обыкновение древних христиан причащаться Святых Тайн часто, Церковь установила совершение особой службы, которая получила название Литургии преждеосвященных Даров. На этой Литургии ранее освященный Агнец влагается в Святую Чашу и преподается верующим.

В наше время причастников на такой Литургии немного. На ней немного и прихожан. Обычно об этой Литургии знают лишь то, что она совершается Великим постом по средам и пятницам. Кроме того, встречается ошибочное мнение, что на преждеосвященной Литургии мирян не причащают, впрочем, оно не очень далеко от истины. Ввиду распространенного представления, что Чаша на этой Литургии не освящается и в ней находится вино с водой, не предложенное в Кровь Христову, на Литургии преждеосвященных Даров не принято причащать

младенцев. В таком случае возникает естественный вопрос: для чего нужна эта Чаша с якобы простым вином, которым не причащают?

Современный служебник Русской Православной Церкви содержит особый комментарий, называемый «Изъявление о неких исправлениях в служении преждеосвященной Литургии». Именно эта добавленная в XVII веке статья внесла в отправление Литургии преждеосвященных Даров значительные изменения. Исследованием о том, каково было верование Древней Церкви и откуда в наши богослужебные книги проник ряд новых указаний, занимался профессор Санкт-Петербургской духовной академии Иван Алексеевич Карабинов (†1937). Результат его работы — статья «Святая Чаша на Литургии преждеосвященных Даров» была опубликована в 1915 году в летних номерах журнала «Христианское чтение». Поскольку переиздания его статей не последовало, а сам журнал стал библиографической редкостью, мы предлагаем читателям ознакомиться с его работой, которая приводится здесь в сокращении.

11

Исходным пунктом для предписаний «Изъявления» служит мысль, что в Святой Чаше на Литургии преждеосвященных Даров бывает лишь освященное «вложением частицы» Святых Таин «вино», но отнюдь не Святая Кровь. Соответственно с таким взглядом «Изъявление» предписывает нести дискос и потир одному лишь священнику, дискос — у головы, а потир с вином — в левой руке, — «диакон же, с кадильницею точию предходя, кадит часто». «Изъявление» опускает слова «исполнение Духа Святаго» при вложении в потир частицы Святого Хлеба и слова «теплота веры исполнь Духа Святаго» на вливание туда теплоты. На принятие священнослужителями Святого Хлеба «Изъявление» соединяет слова причащения и Святого Тела и Святыя Крови. И, наконец, вкушение священнослужителями от потира, по «Изъявлению», должно совершаться молча. Причем диакон, причащаясь, совсем не испивает из Чаши, это он может делать лишь при потреблении Святых Таин по заамвонной молитве. Так же должен поступать и иерей, если служит один. Мысль, что в потире содержится лишь освященное вино, помимо изложенных предписаний, влечет за собой немаловажное ограничение и для мирян. Основываясь на «Изъявлении», наши священнослужители отказываются причащать на Литургии преждеосвященных Даров маленьких детей.

«И причащаются
по последованию
службы Иоанновы»

Однако «Изъявление» внесено в наш служебник сравнительно недавно, — при Патриархе Иоакиме. В изданиях правленного служебника до 1676 года о Великом входе и о причащении священнослужителей на Литургии преждеосвященных Даров говорилось просто: «И преносят Святыя Дары по обычаю, — и творит (иерей) по обычаю святое причастие Божественных Даров». За отсутствием нарочитых пояснений к этим отметкам их, очевидно, нужно понимать в том смысле, что порядок и Великого входа, и причащения на Литургии преждеосвященных не должен отличаться от порядка, принятого на полной Литургии. Рассуждая последовательно, нужно принимать содержимое Святой Чаши не просто за освященное вино, но за Святую Кровь. Московские дониконовские печатные служебники также предписывают творить Великий вход на Литургии преждеосвященных Даров по чину полной Литургии, не исключая и поминовений — «Всех вас да помянет» и прочее. О причащении эти служебники говорят довольно выразительно: «И причащаются (священнослужители) пречистых Таин по последованию службы Иоанновы». Изредка встречаются рукописные служебники с подробным уставом причащения

священнослужителей на Литургии преждеосвященных Даров, где содержимое Святой Чаши прямо и решительно исповедуется Божественною Кровью¹. В киевских служебниках устав причащения священнослужителей на Литургии преждеосвященных Даров изложен со всеми обычными формулами и молитвами, в таком же виде, как он полагается на Литургиях святителя Василия Великого и Иоанна Златоуста. На Руси такая практика сохранялась до середины XVII века.

В своем уставе о Чаше на службе преждеосвященных Даров русские рукописные и старопечатные служебники строго следуют преданию Греческой Церкви. Существование в последней верования, что на означенной Литургии содержащееся в Чаше вино через вложение в него части Святого Тела претворяется в Святую Кровь, по бесспорным, ясным и авторитетным свидетельствам можно проследить почти до X века.

«...лишь ради освящения Чаши»

Например, имеется датированное XI веком послание неизвестного Константинопольского Патриарха некоему Павлу, избранному во епископы Каллиполя, о чине проскомидии и о Литургии преждеосвященных Даров. Патриарх пишет следующее: «В последнее воскресенье сырной седмицы, при совершении полной Литургии Святыя Хлебы готовятся не в обычном, но в большем количестве. По причащении они хранятся до пятка в особом ковчеге, причем Святая Кровь не вливается в них, ибо в постные дни ежедневно при совершении преждеосвященной Литургии готовится и освящается Чаша, в которую влагается освященный ранее Хлеб, возвышаемый и преломляемый. И какая нужда примешивать Святую Кровь к Божественному Хлебу? Ибо преждеосвященная Литургия совершается лишь ради освящения Чаши»². Далее Патриарх разъясняет, что Божественный Хлеб напается Святой Кровью лишь для домашнего причащения отшельникам, нежелающим нарушать свое безмолвие, затем — для напутствования больных. Для этой цели запасные Дары, по словам Патриарха, оставляются после каждой полной Литургии и хранятся до следующего утра. Рекомендованная в этом послании практика принадлежит соборной церкви Константинополя — Святой Софии. Такой обычай считался характерной

1. Таков, например, замечательный подробным изложением порядка священнослужения служебник Хлудовской библиотеки № 115, писанный в 1602–1603 годах при Патриархе Иове в Чудовом монастыре священноиноком Авраамием ростовцем.
2. J. Cozza-Luzi, *Patrum Nova Bibliotheca*, X, 1905, pars 2, p. 169.

особенностью соборного храма и держался там продолжительное время.

В XII веке Константинопольский Патриарх Михаил Оксийский в «Извещении царю»³ также отмечает, что «немного ранее святого причащения диаконы касаются стоящих (на престоле) Святых Чаш и приглашают не как на полной Литургии — „Исполни, владыко“, но — „Благослови, владыко“, и после того как священник ответит: „Благословен Бог наш...“, влагается преждеосвященный и ранее совершенный Святый Хлеб в таинственную Чашу и содержащееся в последней вино предлагается во Святую Кровь Господню и признается предлагающимся». К XII веку можно отнести интересное мнение, приведенное в качестве схолии у Константина Арменопула в «Сокращении божественных и священных правил»⁴, которую тот усваивает «блаженному Иоанну», по всей вероятности Китрскому. В схолии написано: «не напаять преждеосвященных Даров посредством лжицы Кровью Господней правильнее». Такое мнение предполагает освящение Чаши через вложение в нее частицы Святого Тела.

С другой стороны, и напоение преждеосвященного Хлеба Божественною Кровью, по мнению византийских церковных писателей, отнюдь не лишало Святую Чашу на Литургии преждеосвященных Даров того значения, какое она имела при Святом Хлебе, не соединенном со Святой Кровью. Даже при данном условии содержимое потира признавалось истинною Кровью Господней, а не просто освященным вином.

Блаженный Симеон Солунский, имея в виду преждеосвященную службу со Святым Хлебом, напоенным Святой Кровью, писал: «Мы не творим (на преждеосвященной службе) вторично проскомидийной молитвы при соединении (вина и воды). Почему же? Потому что Хлеб совершен, священнодействован, освящен, вознесен и соединен с Божественною Кровью: в священную Чашу без всякой молитвы вливается вино и вода, чтобы, по раздроблении Божественного Хлеба и после того, как в нее по обычному порядку вложена будет лежащая горé (на дискосе) частица, содержимое потира этим освятилось и чтобы затем иерей в обычном порядке причастился от Хлеба и от Чаши сам и преподал имеющим потребу в причащении, — священнослужителям ли в алтаре по обычному для них чину, или мирянам — посредством лжицы... Итак, содержимое Чаши освящается на преждеосвященной Литургии не призыванием Святого Духа и не благословением, но общением и соединением

3. Полное заглавие: Τοῦ ἁγιωτάτου καὶ οἰκουμένηκοῦ πατριάρχου κυροῦ Μιχαὴλ δήλωσις πρὸς τὸν βασιλέα ὅτι ἡ τῶν προηγιασμένων μυσταγογία ἀρχαιοπαράδοτος καὶ πῶς ἡ τοιαύτης μυστικῆς τελεσιουργία γίνεται καὶ διατὶ κεκώλυται ἐν τῇ ἁγίᾳ Μ' τελαία γίνεσθαι. Μ. Γεδεών, Ἀρχεῖον ἐκκλησιαστικῆς, I-1, 1911, σσ. 29-35.

4. Sect. III, titul. 6. Migne gr. 150, col. 97.

Фреска «Божественная Литургия»,
храм свт. Николая, остров Янина, Греция

с животворящим Хлебом, истинным Телом Христовым и соединенным с Кровью»⁵. Блаженный Симеон не называет содержимое Чаши прямо Святой Кровью, но освящение вина чрез соединение со Святым Телом на Литургии преждеосвященных Даров он ставит наравне с освящением потира чрез призывание Святого Духа и благословение священнослужителя за полной Литургией.

Свидетельства греческих служебников

Почти все особенности совершения Великого входа и причащения священнослужителей на Литургии преждеосвященных Даров, которые мы находим в славянских рукописных и старопечатных служебниках, одинаково встречаются и в греческих источниках до самого позднего времени. Так, некоторые греческие рукописи XVI века и даже печатные евхологии XVI–XVII веков предписывают на преждеосвященной Литургии совершать Великий вход в обычном порядке с провозглашением «Да помянет всех вас Господь Бог». При вложении частицы Святого Хлеба в потир греческие рукописи предписывают произносить или «Исполнение Святого Духа», или же, как указывает Патриарх Михаил: «Благословен Бог наш».

Древний устав великой константинопольской церкви, исходя из принятого этой церковью взгляда на Святую Чашу при преждеосвященной службе, указывает и особенный порядок приготовления в таком случае потиров. До Великого входа «один из пресвитеров, отправляясь в сосудохранилище, влагает в потиры частицы Святого Хлеба, а вслед за ним главный иподиакон со словами „Благослови, владыко“ вливает в потиры вино с теплою. Священник при этом говорит: „Соединение Духа Святаго“. Исключение делается для первого и второго потира, которые исполняются самим Патриархом, а в его отсутствие — первенствующим священником»⁶.

Латинские мнения

Проводимый нашим «Изъявлением» взгляд на то, что содержимое Святой Чаши на преждеосвященной службе является лишь освященным вином, — западного и не особенно древнего происхождения. Первое свидетельство, которое противоречит древнему восточному верованию, относится к IX веку, когда западный литургист Амаларий Менский во время своего пребывания в Риме в 831 году имел беседу с римским архидиаконом Феодором о причащении в Великий Пяток. Архидиакон ему сказал: «На богослужении, за которым папа лобызает крест, никто не причащается. Освящающий согласно с „Уставом“⁷ вино соединением Хлеба и вина не соблюдает церковного предания, о котором говорит папа Иннокентий I, что в те два дня

(то есть в Пяток и Субботу Страстной седмицы) таинства Евхаристии не совершается»⁸. Позднейшие средневековые латинские богословы ссылку на церковное предание заменили догматическим обоснованием: «Никогда месса не совершалась без слов: „Сие есть Тело Мое“»⁹.

Полемика и ее последствия

В XVII веке полемика католиков с православными дошла и до Русской Церкви. В 1627 году вышла известная книга поборника унии П. Аркудия: «De concordia ecclesiae occidentalis et orientalis in septem sacramentorum administratione». Одна из глав этого сочинения¹⁰ посвящена православному «злоупотреблению» с Чашей на преждеосвященной службе. В ней Аркудий осуждал практику совершения Великого входа и советовал только священнику нести и дискос и потир, а диакон должен был кадить впереди, и без всяких поминовений проходить в алтарь. Вскоре после появления сочинения Аркудия (в 1642 году) его критические замечания о православном богослужении в разработанном и дополненном виде и в резком полемическом тоне

5. Respons. ad Gabrielem pentapolit. 57. Migne gr. 155, col. 909.

6. А. Дмитриевский. Древнейшие патриаршие типиконы, 1907, с. 330, прим. 1.

7. Ordo, устав или чин папского богослужения, на который ссылался Амаларий.

8. Migne, lat. 20, col. 555–556.

9. S. Durandus (†1295). Mabillon, XCI.

10. Lib. III, cap. 58, p. 342–343.

повторил на Руси в своей книжке о ересь Русской Церкви¹¹ ренегат Кассиан Сакович, до перехода в католичество — Дубенский архимандрит. Найденную Аркудием неловкость в совершении Великого входа за Литургией преждеосвященных Даров Сакович прямо обозвал «поповской глупостью» и к этому прибавил еще придиричивое нападение на древнее церковное верование о Святой Чаше в преждеосвященной Литургии. В ответ на книжку Саковича в 1644 году в Киеве Петр Могила под псевдонимом Евсевия Пимина издал «Λίθος, или Камень с пращи истины Церкви Святыя православныя». При разборе критики Саковича «Камень», к удивлению, молчаливо соглашается с противником в главном пункте — о Святой Чаше, и делает любопытнейшее признание: «В преждеосвященной Литургии погрешение в глаголении слов Святейших Таин (и инным литургиям свершенным приличных), когда с потыря священник вино в Кровь Господню неосвященно вкушает, яко в новом служебнице суть положена: уже сие пастырие наши усмотревши исправиша, таможде сыновне листы некие препечатавше. О чесом ты аще и добре веси; обаче Каиновым сердцем, да в смятение народ российстий поощриши, неключно баснословиши». Впрочем, в данном случае митрополит Петр Могила поступал последовательно: в изданном раньше (в 1639 году) служебнике он дал разъяснение в чисто католическом духе, что Евхаристия освящается Христовыми словами; согласовать с таким взглядом древнее церковное верование об освящении Святой Крови посредством соединения со Святым Телом затруднительно.

«Церемониального ради обиходу вместо полоскания уст»

Примечательно, что в 1653 году в Киеве при архимандрите лаврском Иосифе Тризне было выпущено четвертое издание киевского служебника, представляющее собой точную перепечатку могилянского издания 1639 года без всяких исправлений в чине Литургии преждеосвященных Даров. Подобные же перепечатки без изменений произведены были в 1681 и 1692 годах во Львове. Но выпущенный в 1646 году знаменитый «Евхологий», или Требник Петра Могилы в числе статей трактата «О пресвятой и предивной Тайне Тела и Крови Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» содержит и главу: «О неких исправлениях в служении преждеосвященной службы». Киевская статья

отличается от московского «Изъявления» меньшим объемом, большей суровостью суждения, значительной резкостью, даже, можно сказать, дерзостью выражений, а также недостаточной последовательностью в своих предписаниях. Требник Петра Могилы называет содержимое потира на преждеосвященной Литургии простым вином не только на проскомидии или на Великом входе, но и после вложения туда частицы Святого Тела. Любопытно, что Петр Могила, в отличие от московского «Изъявления», не отменяет обычных слов при исполнении Святой Чаши и при вливании в нее теплоты, равным образом он позволяет диакону вкушать от Чаши тотчас же по причащении от Святых Таин: «Егда де от Чаши пиеси или диакону подаваеши ничтоже глаголи, ибо тамо простое есть вино, а не Владычня Кровь, точию церемониального ради обиходу, употребляемо бывает, вместо полоскания уст».

В Москве новая киевская практика совершения Литургии преждеосвященных Даров в первый раз проведена была в «Чиновнике архиерейского священнослужения», рассмотренном и одобренном на Соборе русских святителей 1675 году под председательством Патриарха Иоакима. На полях белого списка «Чиновника» напротив описания Великого входа и причащения священнослужителей на преждеосвященной Литургии стоят пометки: «справить и в служебниках», «чин причащения написать в служебниках»¹². Редактором «Чиновника» был известный московский справщик, монах Чудова монастыря Евфимий. Обнаруживающаяся в «Чиновнике» тенденция, и, отчасти, выбор пособий, привлеченных для составления этой книги, заставляют думать, что над редактированием «Чиновника» Евфимий работал не единолично, или, по крайней мере, не без руководства и внушений. В числе пособий, служивших для редактирования и справки «Чиновника», был служебник киевской печати, о чем свидетельствуют пометки в черновом списке: «списать с киевского» или «служебник киевский». Эти пометки, нужно думать, имеют в виду служебник могилянского издания 1639 года, с которым московский «Чиновник» весьма близко сходится и по своей латинской точке зрения на время предложения Святых Даров.

Собранные материалы едва ли позволяют сомневаться в том, что «Изъявление о неких исправлениях в служении преждеосвященной Литургии», рассматриваемое с историко-литургической точки зрения, есть привносной и сторонний элемент. Наряду с некоторыми другими указаниями оно является частью инославного осадка, принесенного в Москву во второй половине XVII века волной южно-русских правленных богослужебных книг.

11. 'Ετανόρθωσις abo Perspectiva y obiasnenie Bledow, Herezyu i Zabobonow Cerkwi Ruskiey tak w artikulach wiary, jak w administrowaniu sacramentow. Krakow, 1642.

12. Рукописи библиотеки Московской синодальной типографии, № 209, лл. 76 и 69 об.

Ф. Б. Людоговский,
преподаватель Московской духовной семинарии

Откуда берутся акафисты?

Ни для кого не секрет, что в России акафисты пользуются огромной популярностью — как среди мирян, так и у духовенства. Количество акафистов быстро растет: если в начале 2003 года их было около 400, то сейчас насчитывается почти 600. Еще немного, и акафист станет основным жанром церковного гимнотворчества XXI века.

16

Акафист по существу своему — это хвалебно-благодарственная песнь. Однако на наших глазах он приобретает иной характер, и новонаписанные акафисты объединяет не столько содержание, сколько форма. Сейчас есть и «Покаянный акафист Пресвятой Богородице», и «Покаянный акафист Спасителю». Есть также «Акафист Пресвятой Богородице в обстоянии» и другие. Более того, мы видим, что акафисты становятся показателями многих процессов, которые происходят в Церкви, превращаются в своеобразный жанр церковной публицистики. Многие акафисты имеют не столько молитвенный, сколько политический пафос. Есть ряд и вовсе странных произведений: существуют акафисты Иоанну Грозному, Григорию Распутину, Игорю Талькову. Но самое удивительное, что уже через несколько дней после захвата

бесланской школы появился акафист «мученикам бесланским».

Интервенция

Акафисты, появляясь все в большем и большем количестве, вступают во взаимодействие с более традиционными последованиями, текстами, службами, и надо признать, что акафисты теснят их. Акафист — жанр достаточно простой не только для читающих, но и для пишущих. Создание служб требует гораздо более основательной подготовки в области литургики, поскольку к тексту общественного богослужения предъявляются более высокие требования. Поэтому нередки случаи, когда при наличии акафиста святому отсутствует соответствующая служба, а иногда нет даже тропаря и кон-

дака. И подобная ситуация имеет место не только в отношении новопрославленных святых.

Акафисты могут весьма ощутимо воздействовать на чтение кафизм на утрене. Причины очевидны: Псалтирь, в отличие от акафистов, в восприятии многих мирян представляет собой нечто невнятно читаемое другим человеком и при этом обладающее не вполне (или вполне не) ясным смыслом. Как показывает практика, неохотно читаются и каноны. Акафисты по своей поэтике и по своему языку понятнее, нежели византийская или древнерусская гимнография. Акафист уже содержит в себе житие, в то время как для понимания канона обычно необходимо предварительное знакомство с житием, иными словами, требуется определенная подготовка.

Традиционно по усопшим читается Псалтирь. Между тем, существует акафист «За единоумершего» с характерным подзаголовком: «читается после смерти 40 дней и перед годовщиной за 40 дней до дня смерти ежедневно» и акафист «О упокоении усопших». Причины опять-таки понятны. Псалтирь — помимо того, что это богодухновенная книга, — еще и великое поэтическое произведение, и, как справедливо отмечают, человек может найти в ней силы и утешение в любой жизненной ситуации. Псалтирь в восприятии наших современников невыгодно отличается от акафистов, имеющих вполне конкретное предназначение.

Таким образом, с акафистами связан целый комплекс проблем в области литургики, богословия, филологии, истории, социологии и этики. Произведения этого жанра еще должны стать предметом пристального изучения со стороны различных наук. Однако с акафистами связаны и иные вопросы — практического плана. Как издаются акафисты, какая при этом прделывается работа, с какими проблемами сталкиваются издатели и редакторы? Обо всем этом — более подробно.

Достоверные источники

Акафисты издаются как по отдельности, так и сборниками. В первом случае все достаточно просто: издатели либо считают возможным издать данный текст, либо (в силу определенных причин, о которых будет сказано ниже) отказываются от этого. В случае же издания сборника необходимо сформировать его состав, руководствуясь некими заранее сформулированными принципами. Предположим, мы решили издать сборник акафистов русским преподобным. Если мы при этом отчетливо понимаем, кто такие преподобные и чем они отличаются, например, от святителей, а также умеем различать «русских» и «нерусских» преподобных, — тогда нам только остается взять церковный календарь, выписать оттуда всех русских преподобных, а затем посмотреть, кому из них

имеются акафисты. Но возможна и другая последовательность действий. У нас есть список акафистов, которыми располагает издательство, и мы можем попытаться соотнести этот список с церковным календарем. И вот тут-то нас поджидает несколько неприятное открытие: оказывается, некоторые из имеющихся у нас акафистов адресованы лицам, которые еще не канонизированы (а иные, по всей видимости, никогда и не будут канонизированы). Никакое издательство, пекущееся о своей репутации, такие акафисты печатать не будет.

Богослужебные тексты (в том числе и акафисты) должны получить официальное одобрение. Следует признать, что ситуация здесь непростая. До революции этими вопросами ведала специальная комиссия при Синоде, на которую были возложены не только запретительно-разрешительные, но и редакторские функции. Все акафисты проходили через эту комиссию, и о каждом из них известно, был он одобрен или же отвергнут. В настоящее время также существует Богослужебная комиссия, но если тексты общественного богослужения все же удостоиваются ее внимания, то акафисты, предназначенные, строго говоря, для келейного чтения, похоже, оказываются вне поля зрения справщиков.

Каковы же в таком случае критерии «каноничности» акафистов? Логично предположить, что необходимым условием «каноничности» является сам факт канонизации святого, которому акафист адресован (в тех случаях, когда дело касается акафистов святым), а вот критерии «качественности» каждый редактор-составитель определяет самостоятельно. Очевидно, что акафисты, опубликованные Издательским отделом Московской Патриархии (в настоящее время — Издательский Совет Русской Православной Церкви), получили одобрение священноначалия и в этом смысле «качественны». К таким изданиям можно отнести «Журнал Московской Патриархии», ежегодный «Православный церковный календарь», акафистник в двух томах (1989) и некоторые другие. Однако подобных акафистов не так уж и много.

Следующая группа изданий — это те, которые имеют благословение Патриарха или епархиального архиерея. К сожалению, наличие благословения ни в коей мере не означает, что тексты, содержащиеся в этих изданиях, действительно были подвергнуты критическому рассмотрению. А в иных случаях может оказаться, что официальные церковные инстанции вообще не имеют ни малейшего отношения к деятельности того или иного издательства, именующего себя православным.

Работа редактора

Конечно, во многих случаях недостаточно удовлетворительный текст может быть исправлен посредством редактуры и корректуры. Но редакци-

ровать можно далеко не все. Возьмем, к примеру, один из воскресных канонов Октоиха. Согласно церковному преданию, автором воскресных служб Октоиха является преподобный Иоанн Дамаскин. Если речь идет о греческом оригинале — тогда следует признать, что какое бы то ни было изменение современным редактором греческого текста невозможно. Можно говорить лишь о реконструкции — если исходить из предположения, что с течением времени изначальный текст несколько искажился, — но не более того. Что же касается церковнославянского перевода, то здесь в принципе возможны изменения в средствах выражения: непонятный носителю русского языка оборот может быть заменен другим; не исключено, что где-то придется подправить грамматику, — но, опять-таки, никакое вмешательство в авторский текст с целью его «улучшить» невозможно.

А как дело обстоит с акафистами? Здесь также есть тексты, которые допускают лишь «косметический ремонт». Это, прежде всего, акафист Пресвятой Богородице (Великий акафист), Иисусу Сладчайшему и святителю Николаю Чудотворцу. Большинство же акафистов рассматривается редакторами как сырой материал, который вполне допускает вмешательство — как в области формы, так и содержания.

Прокрустово ложе

При редактировании формы акафиста редактор, как правило, имеет в виду некий идеал, к которому он старается приблизить исправляемый текст. Должно быть, у каждого редактора здесь свои предпочтения.

Традиционно акафист состоит из 25 строф (13 кондаков и 12 перемежающихся с ними икосов); в подавляющем большинстве случаев после собственно акафиста следует молитва, которая, впрочем, обладает определенной самостоятельностью. Указанные правила обычно выдержаны в акафистах и не требуют вмешательства редактора.

Особенностью икосов, в отличие от кондаков, является наличие хайретизмов — молитвенных воззваний, начинающихся, как правило, со слова «χαίρε» — «радуйся». В идеале в каждом икосе должно быть по 13 хайретизмов: 12, объединенных в шесть пар, и 13-й (рефрен), повторяющийся в каждом икосе, а также в первом кондаке. На деле здесь наблюдается довольно пестрая картина. Шесть пар встречается нечасто: из относительно новых акафистов, например, в акафисте Богородице в честь иконы «Прибавление ума»; чаще же бывает три-четыре пары, иногда даже две. Однако можно наблюдать отклонения и в противополож-

ную сторону: так, например, в акафисте великомученице Екатерине в 11 икосе присутствует восемь пар хайретизмов при том, что в других икосах этого акафиста их примерно вдвое меньше. Что делать в этом случае редактору? Тут могут быть разные подходы. Кто-то, возможно, не дерзнет что-либо исправлять — особенно, если при этом приходится посягать на известный и, в общем, устоявшийся текст; а кто-то постарается хотя бы выравнять количество пар в разных икосах одного

Буквица на титульном листе акафиста Пресвятой Богородице. Рукописный кодекс 1669 года. Фон, Vatoped

акафиста. Для этого при избытке хайретизмов (что встречается редко) можно некоторые из них перенести из одного икоса в другой; при недостатке же — гораздо более распространенная ситуация — один длинный хайретизм можно разбить на два, а в иных случаях можно и дописать недостающие хайретизмы, руководствуясь общим содержанием и стилистикой уже имеющихся.

Помимо недостаточного или избыточного числа хайретизмов встречаются и вовсе непарные. Редактор должен обеспечить парность во всех случаях — хотя бы по той причине, что непарные хайретизмы сбивают пение. Впрочем, и здесь имеются исключения. Так, в акафисте преподобному Иову Почаевскому все икосы заканчиваются непарным хайретизмом — очевидно, сделано это было сознательно и вмешательство редактора здесь вряд ли будет оправданным.

Еще один атрибут формы (тесно связанный с содержанием) — это так называемый псевдоакростих, то есть совокупность начальных слов кондаков и икосов. В 1-м кондаке это «возбранный» или «избранный», в первом икосе — «ангел», во втором кондаке — «видящи» и так далее. В греческих акафистах имеет место алфавитный акростих, в славянских же закрепились те слова, которые начинали строфы Великого акафиста. В большинстве написанных к нынешнему моменту акафистов соблюден псевдоакростих; думается, следует стремиться к тому, чтобы это было свойственно всем акафистам. Впрочем, возможна альтернатива — русский алфавитный акростих; однако на сегодняшний день автору известно лишь два подобных акафиста.

Акростих в равной степени относится как форме, так и к содержанию. Аналогичным образом обстоит дело с восклицанием «аллилуия». Несмотря на то, что это слово традиционно переводится как «хвалите Бога», считается, что обращено оно может быть лишь к Богу. Между тем, в акафистах Богородице нередко можно встретить обращенное к Ней «аллилуия». По-видимому, такие употребления подлежат исправлению.

Вообще же редактора содержания, в отличие от редактора формы, носит преимущественно отрицательный характер. Редактор должен следить за корректностью мыслей, содержащихся в тексте, с точки зрения православной догматики. В качестве примера вопиющей невнимательности составителей можно привести пятитомный акафистник, выпущенный в Нижнем Новгороде братством благоверного князя Александра Невского: в пятом томе был помещен акафист Непорочному Зачатию (затем тираж был допечатан, и униатский акафист был заменен акафистом в честь Владимирской иконы Божией Матери).

Обязанность редактора — исправление слога, стиля, устранение повторов. Необходимо следить

за тем, чтобы хайретизмы не были слишком длинными — ведь каждый из них поется буквально на одном дыхании. Думается, что идеальные хайретизмы содержат не более трех слов (не считая союзов «яко» и «бо», служебных слов, а также самого «радуйся») — в качестве образца здесь можно взять Великий акафист, эту жемчужину византийской поэзии.

ЧА, ЩА — с буквой Я?

При корректуре многое зависит от того, печатается акафист церковнославянским шрифтом (с соблюдением соответствующей орфографии) или же дается в русской транслитерации. В первом случае от корректора требуется хорошее знание церковнославянской орфографии (которое не освобождает от необходимости принимать в отдельных случаях индивидуальные решения). Во втором случае возникает ряд параметров, которые требуют упорядочения. В первую очередь необходима разработка единого стандарта передачи церковнославянских текстов русскими буквами. Основной вопрос здесь — корректное использование прописных и строчных букв. Помимо этого требует решения вопрос передачи некоторых специфических приемов, свойственных церковнославянской орфографии (например, использование в определенных случаях написаний *-шя*, *-щым* и подобных). Необходимо решить для себя, допустимо ли применять русские знаки препинания, отсутствующие или же крайне редко используемые в церковнославянском (кавычки для выделения прямой речи и названий; тире, скобки и прочее), а также — использовать ли общие для русского и церковнославянского языков знаки препинания в соответствии с правилами русского языка.

Такова, в общих чертах, «кухня» редактора церковнославянских акафистов. Но если вернуться к началу — составлению сборника, — то возникает естественный вопрос: а откуда берутся акафисты? На аналогичный вопрос о деньгах ответ известен: из тумбочки. А акафисты? По опыту работы в столичных издательствах могу сказать, что акафисты по преимуществу берутся из книг, подготовленных другими издательствами. Разумеется, любой уважающий себя редактор, даже пользуясь плодами чужих трудов, подходит к тексту критически и считает своим профессиональным долгом его улучшить. В результате постоянно увеличивается количество редакций одного акафиста (примерами здесь могут служить акафист Божией Матери в честь Ее иконы «Неупиваемая чаша», один из двух акафистов праведному Иоанну Кронштадтскому и некоторые другие). Но текстологическая история акафистов — это отдельная большая тема.

фото Дениса Матвеева

О чистом строе и духовном концерте

Храм, свечи, красивая музыка... Именно красивая музыка, которая ничего не дает молитве. Истинное предназначение духовных песнопений часто забывается, а церковное пение превращается в «винегрет» музыкальных явлений. В погоне за красотой и эффективностью мы утрачиваем свои родные православные традиции...

О духовных концертах и задачах регента мы беседуем с монахиней Ольгой (Володиной), преподавателем истории музыки, истории и теории богослужебного пения Регентской школы при Московской духовной академии.

20

Матушка, как Вам удастся совмещать преподавание в нескольких учебных заведениях и монашеское делание?

Учительство — суть моей жизни. Несмотря на огромную нагрузку, моя работа для меня — высшая степень радости. Мне дан педагогический дар, и он ни с чем не сопоставим. Я преподаю теоретические и исторические предметы различной направленности в Регентской школе при Московской духовной академии, в Московском музыкально-педагогическом университете, и на эстрадном

отделении в Центре современного эстрадного искусства.

И каково отношение к Вам со стороны светской аудитории?

Там не многие знают, что я монахиня. Я прихожу в светские учебные заведения в обычной одежде. Апостол Павел говорит: *для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых* (1 Кор.9:22). За основу своей профессиональной деятельности я взяла именно это изречение Апостола. Для меня самое главное — попытаться

донести до моих учеников то, что является наиболее важным и значимым. Я рассказываю о том, что происходило в русской музыкальной культуре и что представляет собой богатство музыкальных традиций. Я раскрываю аспекты, которые были недоступны в советское время, поэтому лекции получают интересными и всегда находят отклик и понимание.

Расскажите, пожалуйста, о своей исследовательской деятельности.

После окончания Московской консерватории моя научно-музыкальная деятельность была направлена на разработку методики преподавания общих музыкальных дисциплин в православных учебных заведениях. Это была основная тема моей кандидатской диссертации, которая была защищена в 2000 году. Она так и называется: «Совершенствование преподавания исторических и теоретических музыкальных дисциплин в православных учебных заведениях». На разработку учебной программы вместе с апробацией ушло пять лет. И итоговый труд — книга «Церковное пение» — ценна тем, что в ней есть переложения практически всех церковных служб для трехголосного детского хора.

Для православных духовных школ была разработана программа среднего звена, в которой были представлены все основные варианты переложений, наиболее удобные для исполнения за богослужением. Кроме того, были разработаны аналогичные методические указания для вузов, связанных с православной традицией. Основа этой программы в данном случае была полностью разработана заново, а ее апробация проходила в Московской духовной академии и в Регентской школе.

Не так давно был полностью разработан курс музыкальной палеографии, где рассматриваются византийская и русская музыкальные традиции, а также теория знаковых систем. Была издана монография по византийской музыкальной культуре.

И сейчас в рамках кафедрального задания готовится к печати обширная монография о византийско-русских музыкальных соотношениях. Будет рассмотрена структура византийской музыкальной культуры, а также основные этапы ее влияния на древнерусскую православную певческую традицию вплоть до нынешнего времени. Моя нынешняя деятельность направлена на совершенствование учебного процесса, чтобы профессионально-музыкальная направленность культуры соответствовала православной музыкальной традиции.

Что Вы можете сказать по поводу четвертитоновой системы, которая на сегодняшний день полностью вышла из употребления? Нужна ли она как таковая вообще?

Вся практика богослужения, а именно музыкальная сторона — византийского происхождения.

И предполагается деление не только на полутона, но и на более мелкие — четвертитоновое деление, $\frac{1}{3}$ тона, $\frac{2}{3}$ тона. К сожалению, у меня не было возможности поучиться в Греции, но я занималась теорией музыкальной византийской нотации. Насколько возможно, я пыталась освоить эту систему в рамках общения с греками и с греческой православной традицией. Если взглянуть шире, то у русской музыкальной традиции в основе было тоновое соотношение. Из этого исходит теория обиходного звукоряда, введенная диаконом Иоанном Шайдуровым и другими музыкальными теоретиками. Задача церковного пения — перейти на позицию чистого строя. Для хорового пения

наиболее адекватен именно чистый строй и практика, а не вокально-инструментальное исполнение. Система темпериции — инструментального происхождения. И очень часто возникают сложности с освоением этого стиля. В настоящее время эта задача сложна; если бы мы сейчас перешли только на знаменное пение, это было бы несколько искусственным явлением. Рассмотрение системы четвертитонового соотношения важно только лишь в историческом аспекте.

В чем принципиальное отличие церковной музыки от светской, и как Вы относитесь к практике духовного концерта?

Главное отличие — это функциональное назначение пения. Церковная певческая традиция неразрывно связана с богослужением, с практикой богослужения. Если же говорить о светской традиции, о музыке, звучащей со сцены, то ее задача совсем иная — доставить удовольствие слушателям.

Практика духовного концерта появляется у нас с XVII века. В это и последующее время в придворной певческой капелле главенствовали музыкальные традиции, связанные с итальянским влиянием. Галуппи и Сарти были учителями русских композиторов того времени: А. Веделя, М. Березовского, Д. Бортнянского. У нас было строчное пение, когда Петр I «прорубил окно в Европу» и исполнение патреса хлынуло потоком на русскую певческую традицию. Основоположниками введения духовного концерта были именно итальянские мастера. Причем эта практика никогда не была узаконена церковными распоряжениями, не существует ни одного синодального постановления о введении духовного концерта в богослужение. Более того, есть несколько постановлений, которые запрещают практику духовного концерта. Но традиция есть традиция, она исторически сложилась в тот период. В настоящее время церковное пение представляет собой настоящий винегрет музыкальных явлений. Регентская школа должна научить грамотно разрабатывать репертуар, в соответствии с православной традицией. А задача регента — подобрать произведения для хора стилистически однородные и спеть песнопения так, чтобы они звучали не концертно, а молитвенно, чтобы это было обращение к Богу.

Чего бы Вам как преподавателю хотелось достичь в дальнейшем?

Я прошу у Господа дать мне мудрость и возможность выполнить то, к чему я призвана. И конечно, донести в широком аспекте до учащихся то, чем я занимаюсь.

И Ваше пожелание всем учащимся?

Прежде всего, пребывание с Господом, а все остальное приложится.

*Беседовала Ольга Некрашевич,
3 курс Регентской школы при МДА*

Правила приема в Регентскую школу при Московской духовной академии

- I Регентская школа при Московской духовной академии — специальное духовное учебное заведение Московской Патриархии, готовящее регентов церковных хоров.
- II В Регентскую школу принимаются лица женского и мужского пола в возрасте от 18 до 35 лет, имеющее среднее или высшее образование, желательно с опытом клиросного послушания не менее 1 года.
- III Поступающие должны обладать вокальными данными, иметь музыкально-теоретическую подготовку и навыки игры на фортепиано в объеме законченного музыкального учебного заведения, читать ноты с листа. Желательны навыки управления церковным хором. Поступающие должны иметь навыки чтения богослужебных книг на церковно-славянском языке.
- IV Желающие поступить в Регентскую школу должны представить в канцелярию Академии с 15 июня по 1 августа следующие документы:
 1. прошение на имя ректора МДА;
 2. рекомендацию епархиального архиерея или приходского священника, заверенную архиереем;
 3. заполненную анкету;
 4. фотографии (три 3×4 см и три 6×8 см);
 5. автобиографию;
 6. свидетельство о рождении;
 7. документы об образовании;
 8. справку о составе семьи;
 9. медицинскую справку по форме 086/у;
 10. свидетельство о крещении;
 11. свидетельство о венчании (для состоящих в браке).

Всем учащимся предоставляется общежитие и питание. Стипендия выплачивается в зависимости от успеваемости.

Адрес: 141300 Московская область,
г. Сергиев Посад, Лавра,
Академия, Регентская школа

Телефон: (496) 540-5345
<http://www.mpsda.ru>

Константин Мишуровский,
эксперт Общества церковных звонарей

Пока звонит тамтам

*Тамтам — медная сковорода,
в которую бьют деревянным клепалом;
род таза; китайск. (Словарь Даля)*

Когда в храме появляется что-то новое, доселе невиданное, это всегда обращает на себя внимание. Так устроен церковный уклад жизни, что любые новшества под церковными сводами находят своих сторонников и противников. Но у любых нововведений в Церкви всегда есть предел, после которого нововведение неизбежно отвергается как недопустимое. Представьте себе хоть на минуту замену церковного хора вокально-инструментальным ансамблем или использование дымовой шашки вместо кадила. Примеры выглядят несколько утрированными, и это была бы недопустимая гипербола с моей стороны, если бы я сам по роду деятельности не сталкивался ежедневно со столь же масштабной подменой. Подменой на церковных колокольнях.

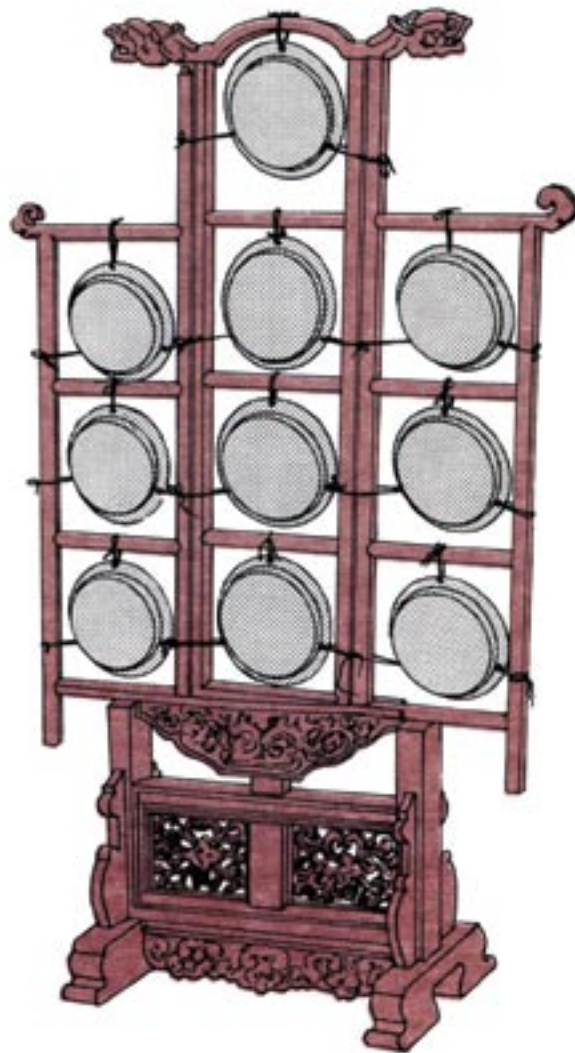
Все начиналось не так давно: в 1993 году на конференции в Московском государственном университете некий господин читал доклад. И в качестве иллюстрации к этому докладу публике была продемонстрирована массивная доска из бронзы. Докладчик вытащил эту доску, привесил ее на деревянной раме и ударил по ней молотом-кувалдой... Доска загудела, издала протяжный звон, выстроившийся в дистиллированное мажорное созвучие. Равномерно угасая, этот аккорд продлился пару минут. Аудитория удивленно закивала головами: надо же, оказывается, звон можно «спрятать» в столь портативную штучковину и при этом обойтись вовсе без колоколов.

Этот эпизод с научным докладом, возможно, и забылся бы, но спустя какое-то время среди звонарей поползли слухи о «восстановлении древних бил в Николо-Перервинском монастыре». Опыт оказался востребованным, и с того времени доски стали активно распространяться по колокольным.

Через несколько лет в газете «Округа» появилась статья о том самом изобретателе-докладчике. Там было написано: «Он понял: форма колокола ограничивает звуковые возможности бронзы. И заново изобрел утраченный древнерусский звонный инструмент — било!» И еще: «Насколько колокола билам проигрывают! Бильный звон более чистый, долгий. На Руси пять веков назад никаких колоколов не было — только прямоугольные била. И звонницы назывались бильницами. Но в России всю дорогу — как дойдет до нас европейская мода, так о своем забываем напрочь».

Трудно комментировать текст, целиком состоящий из неправды. Колокола были известны на Руси со времени ее Крещения, и это хрестоматийный факт. С 1066 года, со времени путешествия Антония Римлянина в Новгород, колокола постоянно упоминаются в летописях. В 1194 году впервые упоминается русский колоколотейщик. В Троице-Сергиевой Лавре на Большой колокольной сохранился русский «Чудотворцев» колокол, созданный в 1422 году, очень красивый и обладающий прекрасным звуком. Исторические свидетельства во множестве говорят о богатейшей истории колокольного литья на Руси. Государев пушечной двор и великий Андрей Чохов, плеяда псковских колоколотейщиков, литье в Троице-Сергиевой Лавре, Московском Кремле, знаменитые Ростовские колокола, славные династии Моториных, Оловянишниковых... Какая уж тут «иноземная мода»!

Летописные упоминания о билах на Руси хорошо известны и кочуют из книги в книгу. Но при этом деревянных бил в России не сохранилось ни одного, а древние металлические била можно пересчитать по пальцам. Ни один из классических исследователей звона (ни Рыбаков, ни Смоленский, ни Оловянишников, ни протоиерей К. Никольский,

«Юн ло», или «юн нгао» — так называется этот китайский набор гонгов, подвешенных рядами в деревянном каркасе. Гонги одинаковы по диаметру, но отличаются по толщине, чтобы производить звуки разной высоты. На юн ло играют колотушкой, обтянутой войлоком.

ни протоиерей С. Слободской) при всей осведомленности ни разу даже не намекает на необходимость вернуть била в российское богослужение. До начала 1990-х годов не возникало даже мысли о какой-либо «конкуренции» колоколов и бил. И никогда била в России не служили для гармонического, художественного звона... С. Смоленский в своей работе «О колокольном звоне в России» изображает нотами бильное клепание, записанное в некоем скиту. Это простые чередования сильных и слабых долей, причем видно, что удары производятся по различным участкам одной и той же доски, как это до сих пор делают греки. Сам же Смоленский в следующей главе пишет, что «Звоны церковные представляют несомненно больший простор для художника...» и даже не оговаривается, что с этого момента под «звонами церковными» он имеет в виду исключительно колокольные звоны.

Ангелово наущение?

Наиболее полное современное описание происхождения и развития церковного звона можно найти у американского исследователя Эдварда Уильямса в его монографии «The Bells of Russia». Появление христианского била (семантрон) приходится на исторический период конца VI — начала VII века. Тогда в Восточной христианской Церкви появилась необходимость давать четкий звуковой сигнал, который бы созывал в храм. Для этого ударяли в деревянную доску. Стук доски представлял собою нехитрые отчетливые ритмические удары. Только к середине XI века ударение в семантрон законодательно определяется и устанавливается в Типиконе или Правиле Студийского монастыря в Константинополе.

Первое упоминание о христианских колоколах относится к началу VI века — это письмо, которое Фульгенций Ферранд, диакон в Карфагене, написал своему другу Евгиппию, аббату монастыря около Неаполя. А уже в начале VII века использование колоколов было официально узаконено распоряжением Римского Папы Сабиниана.

Архиепископ Новгородский Антоний, посетивший Константинополь в 1200 году, отметил, что в Святой Софии — величайшем храме Византийской империи — не звонили в колокола, а ударяли в небольшой ручной семантрон (бильце), созывая к богослужению: «Колокола не держат во святой Софии, но, билцо мало в руке держа, клеплят на заутрени, а на обедни и на вечерни не клеплют: а по иным церквам клеплют и на обедни и на вечерни». В том же тексте архиепископа Антония есть фраза: «Греки же било держат по ангелову внушению, а в колокола латыне звонят». Владыка Антоний явно подчеркивает отношение жителей Константинополя к своему клепанию как к отличительному признаку всего православного богослужения. Но само по себе такое различие, все же, остается внешним, сиюминутным. Через несколько столетий, когда пройдут времена татаро-монгольского ига, колокола прочно займут место в православном богослужении на Руси, безоговорочно подтвердят статус церковной святыни. Очевидно, что не будь внешней османской экспансии, колокола прижились бы и в греческих землях. В этом смысле, била-семантры выполнили историческую миссию: они позволили грекам благовестить к своим церковным службам, не нарушая запрета турецких властей на церковный звон. Но как только иноземный гнет ослаб, греки с радостью распространили у себя церковные колокола. Невзирая на «ангелово наущение»...

Повсеместное распространение колоколов и прекращение клепания в била никогда не встречало какого-либо сопротивления в русской истории. В стране, где изменение нескольких слов в

богослужбной книге вызывало самые горячие протесты, где многие новшества отторгались как свидетельство «наступления последних времен», мы ни разу не найдем свидетельства о том, что, мол, «отвергоша древния била, якоже переданы нам от благочестивых отец, и сняша святыню, и повесиша вместо них колокола антихристовы». И в наши дни старообрядцы с благоговением звонят в колокола. Одним из первых зданий, которое было построено после подписания государева Декрета о веротерпимости в 1905 году, была громадная колокольня Покровского храма на Рогожском кладбище, для которой были отлиты колокола весом до трех тонн на заводе Оловянишникова. Такой проблемы, как вытеснение колоколами бил, быть попросту не могло: ведь колокола взяли на себя все функции и свойства бил, приняли на себя весь древний устав церковного звона, привнесли в церковный звон самобытность, ни с чем не сравнимую красоту. Нет ничего более узнаваемого, чем колокольный звук: с его характерным раскатом, с характерным строем одновременно звучащих тонов. Это уже не стук, а пение, которое разносится далеко окрест. Не существует ни одного предмета не-колокольной формы, который хотя бы приблизительно смог имитировать основные свойства колокольного звучания!

Медитативные металлофоны

Так же, как без труда можно узнать интонацию богослужбного чтения, художественную стилистику икон, архитектурный облик храма, можно

Звон в новые «била» поразительно напоминает медитативные бряцания яванских гамеланов.

узнать и колокольный звон. Ведь много сотен лет он несет на себе акустический знак, и этот знак настолько прочно укоренился в народной культуре, что любые попытки подмены колокольного звона любым другим звоном вызвали бы несомненное порицание еще в начале XX века. Оловянишников так и писал: «С любовью русский народ созидает единственные в мире по размеру, весу и силе звуков колокола и любит, когда громовые удары их потрясают воздух и наполняют душу его великим, благоговейным чувством. И не заменит русскому человеку этого звона никакой другой призыв, как звуков небес, по словам поэта, для чистой души не могут заменить скучные песни земли».

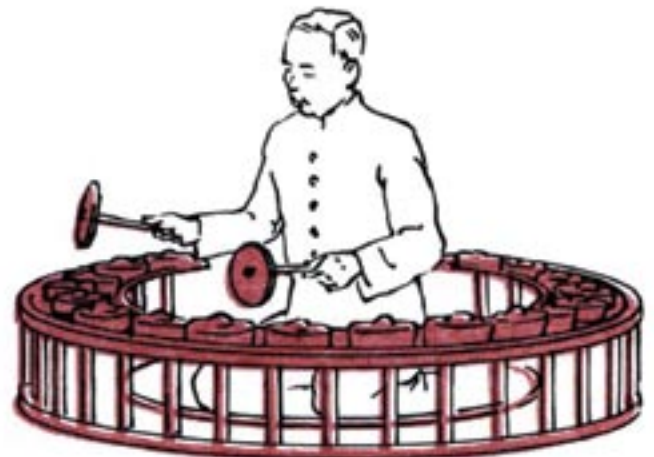
Изобретатели «новых бил» хвалятся тем, что принесли в традицию звона нечто совершенно новое, обогатив тем самым православную культуру. Но неужели действительно нет аналогов новоявленным металлофонам? Ведь, например, в китайской музыке существуют особые круглые гонги, которые вешают на рамы. Расположение этих гонгов (юн ло, юн нгао) и способ звона (парой молотков) очень похожи на то, что предлагается устраивать на колокольнях. Да и появившиеся записи звона в новые «била» поразительно напоминают медитативные бряцания яванских или индонезийских гамеланов. Когда мне приходится показывать подобные материалы, то у моих собеседников моментально улетучиваются иллюзии о некоем «возрождении древнехристианского бильного благочестия». Слишком очевидно сходство с традиционным восточноазиатским языческим музицированием. Не потому ли компакт-диски с записями «бил» так востребованы в оккультных лавках Москвы и других городов? Документально подтверждено, что звон «бильного ансамбля» (возглавляемого все там же докладчиком-изобретателем) сопровождал заседание оккультной секты «Брахма Кумарис».

Архитектурные формы колоколонесущих сооружений развивались параллельно с развитием колокольного литья. Нет ничего печальнее, чем пустые глазницы колокольных проемов. Колокол является таким же самобытным архитектурным элементом храма, как церковная глава с венчающим ее крестом, как закомары и своды. Колокол уже много столетий является символом церковной проповеди, вещающих с неба уст, ангельской трубы. Когда на московских храмах начали появляться прямоугольники новоявленных металлофонов, они смотрелись, как развешанные на колокольнях носовые платки, пеленки или простынки. Нелепо и безвкусно. Такие квадратики не только не украшают собой колокольные арки, но напротив — уродуют их, сбивают взгляд. Не потому ли эти самые гонги-металлофоны чаще всего прячут в глубине колокольни, подальше от людских глаз?

Собор из пенопласта

Часто говорят, что приобретают металлофоны «по бедности». Но ведь малоимущему храму уместнее приобрести четыре-пять небольших колокольцев и звонить по уставу, вместо того, чтобы городить «звон, которого на самом деле нет». Ведь не строят же гигантские соборы из пенопласта «на временной основе» только потому, что нет денег на здание соответствующего размера! Изготовление колокола — очень сложный процесс. Литейщики во все времена добивались высочайшего мастерства в точности формовки, в проектировании колокольного профиля, в разработке и выполнении декора колоколов. Странно: неужели за все столетия колокольного литья в России ни одному литейщику не приходило в голову снабдить какой-нибудь храм «по бедности» набором из гармонически состроенных не-колокольных отливок (пластинок, трубок, брусков и тому подобное)! Почему при всем многообразии колокольных форм, основа основ оставалась неизменной: церковный колокол всегда оставался именно колоколом и ничем иным? Ни на одной старинной фотографии православных храмов мы не увидим в проемах яруса звона ничего, кроме церковных колоколов...

Под видом древних бил на церковных колокольнях насаждается нечто чуждое. Прихожане непроизвольно привыкают к гулу прокатных пластин, несущемуся с колоколен, и с этими звуками входят в храм. Благодатный звон лукаво подменяется бездушной имитацией, и все это происходит с молчаливого согласия церковной общины. Все это — последствия неведения об истинном богатстве отечественной церковно-звонарской культуры. Эта проблема, несомненно, требует особого внимания со стороны нашего Священноначалия и всей церковной общественности. Уже почти поздно, но все же есть надежда, что церковный звон, по милости Божией, выстоит и в этом испытании.

Олег Погудин: «Я не делю себя на артиста и человека»

Олег Евгеньевич, интересно было бы услышать о Вашем пути к Богу, к вере. Расскажите, пожалуйста, верующей ли была Ваша семья? Как Вы впервые задумались о Боге?

Семья у меня была совершенно нецерковная, и, тем не менее, жажда Бога, жажда веры была у меня всегда, с самого младенчества, с того момента, как я себя помню. Была не просто детская вера в чудо, а вера в чудо доброе, справедливое, вера в счастье. И до момента появления того юношеского эгоизма, когда хочется все лучшее найти для себя, у меня было желание счастья для всех. Счастье же для меня соединено с любовью, причем «любовь» — это, наверное, то слово, которое охватывает все представления о человеческом счастье. Я уверен,

что Господь призывает человека. Человек ищет Бога, жаждет Бога, скучает о Боге, тоскует о Нем. И призыв Божий существует для каждого.

Как же этот призыв прозвучал для Вас?

В 1988 году мне исполнилось 20 лет. И в один прекрасный день я задумался о том, что мне уже 20 лет, а я до сих пор не крещен. Эта мысль была абсолютно иррациональна, извне. Это не то, что голос какой-то прозвучал, нет. Просто внезапно появилась оформленная мысль. И тогда мы еще с двумя друзьями, сокурсниками из театрального института, пошли в храм, чтобы креститься. Хотя я тогда еще даже не читал Евангелия и не имел о нем никакого понятия. Даже слово «Бог» я слышал только из антирелигиозной пропаганды. Но

я всегда воспринимал разные антирелигиозные выпады как бы со стороны, я на них смотрел как на спектакль или кино: смотришь, но не обязан считать, что это истина.

А Вы спрашивали своих родителей о Боге? Я помню, что задавала после школы маме вопрос: а правда, что Бога нет?

Родителей я не спрашивал, но помню, как где-то в лет 10–12 я представил себе, что жизнь конечна. То, что нет бессмертия, для меня было страшной трагедией. Я об этом стал спрашивать взрослых, и мне определенно ответили, что да, все кончается смертью. Я захотел узнать — а что же дальше? А дальше, говорили, ты должен оставить людям о себе добрую память, что-то сделать, чтобы люди тебя вспомнили добрым словом. И все? Да, и все. И когда я себе это представил всерьез и попытался это осознать, я прорыдал всю ночь. Но детство — счастливое время. На следующее утро я встал с мыслью о том, что в этом утверждении что-то неверно. И, когда потом в школе преподаватели истории или обществоведения говорили, что Бога нет, я принимал это как какую-то условность, как установленные взрослыми правила игры.

Но когда Вы повзрослели, эти вопросы должны были снова встать перед Вами?

Да. В этом сыграла свою роль и художественная литература. Уже в вузе — а я учился в театральном институте — обучение велось в основном в работе с русским словом XIX столетия. Мы занимались русской литературой не только на истории литературы или истории театра, но и на практических занятиях по актерскому мастерству. Художественное слово — потрясающая вещь. Сколько ни говори, что Бога нет, а разум через слово проявляется, разум через слово дышит, Дух дышит, в конце концов. Решив в детстве вопрос о бесконеч-

ности человеческого существования, я должен был решить теперь другой, не менее сложный, вопрос: «како веруеши?». Этот вопрос для многих критический.

Да, тем более, начало 90-ых — время расцвета самых разных сект в нашей стране. Как же Вы «выбирали»?

Я не выбирал. Милостью Божией, меня не угрозило попасть ни в какие секты, ни в какие философские или религиозные течения, которые тогда расцвели пышным цветом. Я сразу знал, что буду креститься в Православной Церкви. И очень благодарен тому священнику, который тогда совершил Таинство Крещения, хотя, к сожалению, не помню его имени. Я благодарен ему за те слова, которые он сказал. Он говорил очень мало, очень коротко. По всей видимости, проповеди очень строго регламентировались и, скорее всего, от себя говорить не разрешалось. Крестивший нас священник не рассказывал ничего ни о личности Спасителя, ни о сути веры, он не проводил никакой катехизации. Он обратил внимание только на одно — несколько раз повторил нам, что мы делаем очень серьезный шаг.

Олег Евгеньевич Погудин родился 22 декабря 1968 года в Ленинграде, учился в музыкальной школе на дирижерско-хоровом отделении. В 1979–82 годах — солист детского хора Ленинградского радио и телевидения. В 1985–90 годах — студент Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии имени Н. К. Черкасова. С 1993 года О. Е. Погудин посвящает себя исключительно концертной деятельности. В его репертуаре, насчитывающем свыше 500 вокальных произведений, — русский классический романс, городской романс, русские и украинские народные песни, а также концертные программы из песен А. Н. Вертинского, П. К. Лещенко, Б. Ш. Окуджавы, циклы западноевропейских песен на языках оригинала, цикл духовных песнопений иеромонаха Романа (Матюшина).

Что-то запало в душу, что-то потрясло?

Ничего не запало, ничего не потрясло. Я, человек очень молодой, человек театральный — когда совершилось Таинство, — фактически об этом забыл. Не просто запомнилась, а потрясла первая исповедь. Хотя промежуток между этими событиями составил шесть лет.

Как Вы пришли к первой исповеди?

По-настоящему я пришел в храм через книги. Первой книгой, которая серьезно повлияла на меня, стала книга Толкиена «Властелин колец». Я читал ее с удивительным упоением. Позже, в одной из книг диакона Андрея Кураева я прочел мысль, очень созвучную моим ощущениям: вся хорошая английская литература начала XX века — это почти трагическая попытка сохранить христианское самосознание в любом виде, хотя бы в виде сказки.

Какая книга была следующей?

Как ни странно, «Роза мира» Даниила Андреева. Но она оказалась очень сумбурная, и я сумел запутаться в ней настолько, что, слава Богу, не предпринял попытки применить написанное на практике. А сразу же после этого мне попала в руки книга Владимира Соловьева. Труды Соловьева подтолкнули меня к самой главной Книге — я взял, наконец, в руки Евангелие. Это был счастливый период моей жизни. Мы с моим сокурсником, актером, каждый вечер вместе читали несколько стихов из Евангелия и говорили о прочитанном. Господь хранил нас от всяких глупостей, от создания собственных измышлений. Другой мой знакомый по театральному институту после сложных событий в жизни — не трагичных, подчеркиваю, а именно сложных, — в ясном осознании своего выбора принял монашеский постриг в Псково-Печерском монастыре. И потихонечку стал нас, одного за другим, приближать к Церкви. Милостью Божией и благодаря ему, я попал к тому священнику, иеромонаху, который и стал моим духовным отцом. Но первый шаг был для меня очень трудным. Трудной была и первая исповедь.

Боялись?

Очень. Теперь я понимаю, какое имеет значение первая исповедь: человек потом может уже никогда не прийти в храм — или же может остаться там сразу всем сердцем. Так было у меня. Первая исповедь и первое причастие для меня — какой-то поток счастья.

Как родные отнеслись к Вашему воцерковлению?

Сначала мои родители отнеслись к моему приходу в храм конфликтно, даже очень конфликтно. Даже не к самому

моему выбору, а к тому, что я его не обсуждал с ними. Когда у меня началась полноценная церковная жизнь — с причащением, с постоянным чтением утреннего и вечернего правила, постами, — они испугались за мое здоровье. Но все родительские подтрунивания, подшучивания были отголосками из их детства, когда было яростное гонение на Православие, причем как раз через издевки, насмешки и шельмование. Но надо отдать должное моим родителям: у меня никогда не было трагического выбора — или семья, или вера. А позже мой отец — тоже не обсуждая свой шаг ни со мной, ни с кем-то другим — пошел и крестился. Сам.

Как началась Ваша церковная жизнь?

У меня было три счастливых года церковной жизни, по-настоящему церковной. Очень помог мне в тот период Святогорский монастырь в Пушкинских горах. Я нередко приезжал туда и пел на клиросе. Это было время церковного детства, которое бывает у всех. Воспоминания о том времени мне до сих пор дают надежду, что, несмотря на все грехи вольные и невольные, на все ошибки, на все мое разгильдяйство, Бог все-таки будет милостив...

Как Ваша вера отразилась на Вашей концертной деятельности, на Вашем репертуаре?

Я очень внимательно отбираю тексты, так как некоторые вещи не могу произнести, потому что это противно моей вере. Но это случается крайне редко. Вся европейская, вся русская культура XIX века, вплоть до середины XX века — христоцентрична. Даже когда человек бунтует, спорит с Богом, он все равно делает это в рамках христианской эстетики. Лермонтов — яркий тому пример. В его поэзии при всем мраке и печали — потрясающая и единственная в русской литературе чистота библейской символики. Вы не найдете там ни одного купидона, ни одной нимфы. Ангелы, демоны, Бог. Все чисто, как прозрачный воздух. Да и написать: «воздух был чист, как молитва ребенка», — может лишь тот, кто хотя бы раз помолился. Но какие-то вещи я не могу позволить себе исполнить.

Например?

Я очень люблю и исполняю песни Булата Окуджавы, но в одной из песен есть фраза, которую я никогда не спою, хотя песня сама по себе поэтичная и очень красивая. Я думаю, Булат Шалвович сейчас бы сам скорбел о том, что написал. Что касается текстов «пограничных», то их можно оправдать отношением, интонацией. Можно одну и ту же фразу сказать по-разному. Это уже секрет мастерства, специфика профессии. Здесь нужно работать.

Я знаю, Вы исполняете песнопения иеромонаха Романа (Матюшина)? Как появилась эта программа в Вашем репертуаре?

Что касается песнопений отца Романа, то исполнять их — его благословение, причем благослове-

*«Очень помог мне в тот период
Святогорский монастырь
в Пушкинских горах».*

30

ние нарочитое. Я впервые услышал его песни более десяти лет назад в исполнении Жанны Бичевской. В ее исполнении они меня пленили словом-музыкальным сочетанием. Когда я услышал эти песни в его исполнении, я быстро уловил разницу. Все-таки она — человек светский и в чем-то страстный, он — монах и священник. Я полюбил его песни. Я пел их среди знакомых. Меня стали упрашивать их записать, но я категорически отказался. Сказал, что если отец Роман меня благословит, то я запишу. Меня уговорили с ним встретиться. Я смущался и избегал этой встречи, может быть, по гордости. Но, наконец, мы встретились. Я спел ему несколько песен, но не его, а народных. Он попросил спеть какую-то из его песен. Я спел. И он сказал: «Ну что же, записывайте. И на сцене пойте». Я стал перечить, мол, на сцене петь не буду. Он резко прервал меня, осенил большим крестом и сказал: «Я благословляю Вас петь на сцене». Это было в 1996 году. И я рискнул. Кассета вышла удачной. Причем, я записывал эту кассету измученный, не очень здоровый, после Великого поста, после двухнедельного пения на Страстной и на Светлой седмице в монастыре. Буквально шепотом каким-то, каким-то воздухом... Но это спето так, что даже сейчас, когда я слушаю, я думаю: «Надо же, был такой момент, когда я именно так произнес эти слова». После записи я дал концерт. И каждым Великим постом стараюсь эту программу повторять. Но никогда мне больше не удавалось исполнить эти песни так чисто. Хотя меня много раз просили перезаписать их, но... На той кассете всего девять песен, сейчас в моем репертуаре их больше. Но, кстати, и песни отца Романа поменялись, стали другими.

Какими?

В тех песнях, что появились потом, началась скорбь о судьбах Отечества, размышления о политических событиях и прочее... На это имеет право всякий человек, но это уже не та песня, которую я бы хотел исполнять. А вот та настоящая жажда Бога — иногда через бунт, иногда через счастье, иногда через нежность, есть только в песнях отца Романа конца 80-х — начала 90-х годов. Это там настолько пронзительно, настолько чудесно, что я влюблен в них до сих пор.

Что для Вас самое главное на сцене?

Главное — я не делю себя на артиста и обычного человека. И там, и там я один и тот же. Я на сцене говорю о том же, о чем думаю в жизни, о том, что мне дорого, что мне близко. Вовсе не обязательно говорить о Боге лишь только в молитве, на сцене она будет звучать неуместно. О Боге можно и должно говорить языком светским... Когда начинаются всякие споры о верах, о мировоззрениях, я говорю: назовите еще одну религию, которая бы утверждала, что Бог есть любовь. Только христианство. Для меня суть жизни в том, что Бог есть любовь. И хотя любить так, как Господь сказал: *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15:13) — тяжело, почти невозможно, но христианин призван любить именно так! Впрочем, *невозможное человекам возможно Богу* (Лк. 18:27), и утешает то, что в конечном итоге Божия любовь покрывает все. Очень хочется, чтобы Господь помог всем нам эту любовь услышать, узнать и уберечь.

Беседовала Анна Гальперина

прежн. скор.

ю, от вся-ких нас бед сво-бо-ди, да зо-вем

замедл. прежн. скор.

Ти: ра - дуй-ся, Не - ве - сто Не-не -

замедл.

вест - на - я, Не - ве - сто Не-не - вест - на - я.

Радуйся, Невесто

Припев к акафисту ¹⁾

Ра-дуй-ся, Не - ве - сто Не - не - вест - на - я,

2)

ра - дуй- ся, Не - ве - сто Не-не - вест - на - я.

1) Мелодия святогорская, исполняемая в Сергиевой Лавре.

2) Местно, бас так и поет в унисон со вторым.

Аллилуия.

Ал-ли-лу-и-я, ал-ли-лу-и-я, ал -

- ли-лу-и-я.

То же, с самостоятельным ходом баса.

Ра-дуй-ся, Не-ве-сто Не-не-вест-на-я,

ра-дуй-ся, Не-ве-сто Не-не-вест-на-я.

Аллилуия.

Ал-ли-лу-и-я, ал-ли-лу-и-я, ал -

- ли-лу-и-я.

Припев 2.

Переложение

1. Ра - дуй-ся, Не - ве - сто Не - не - вест - на - я, 2. ра-дуй-ся, Не -

ве - сто Не - не - вест - на - я.

Один раз.

Ал-ли - лу - и - я.

Три раза.

Ал - ли - лу - йя, ал - ли - лу - йя, ал - ли - лу - и - я.

Появление кондака «Взбранной Воеводе» («Тῆ ὑπερμάχῳ στρατηγῷ») связывают с осадой Константинополя летом 626 года аварами и славянами, когда Патриарх Константинопольский Сергей I с иконой Божией Матери обошел городские стены — и опасность была отвращена. Этот победный гимн обращен к Богородице от лица «Ее города» — Константинополя, и был исполнен вместе с Акафистом 7 августа 626 года.

В церковнославянском переводе «город Твой» был заменен на «рабы Твои» в XIV веке. «Победительная» (τὰ νικητήρια) здесь — победные песни,

а «благодарственная» (τὰ εὐχαριστήρια) — жертва, приношение в знак благодарности.

Перевод С. С. Аверинцева

Необорной Воеводе песнь победную,
Избавительнице града речь хвалебную
мы в веселье воспеваем, Богородице!
Но, Владычица всемогущая, предивная,
отвращай от нас напасти, чтобы в мире нам
воспевать Тебе:
«радуйся, Невеста невестная».

Епископ Афанасий (Евтич)

О Церкви и вечности

«Церковь безначальна, бесконечна, вечна, как и основатель ее, Троичный Бог, безначален, бесконечен, вечен. Церковь нетварна, как и Бог нетварен. Она существовала прежде веков, прежде ангелов, прежде творения мира...» Так начиналась опубликованная в прошлом номере нашего журнала беседа «О Церкви» архимандрита Порфирия Кавсокаливита (Байрактариса; †1991), одного из самых авторитетных греческих духовников. Дать этому утверждению богословский комментарий мы попросили известного богослова Сербской Церкви, автора многочисленных трудов по экклизиологии, епископа Афанасия (Евтича).

То, что Церковь будет вечна, и ее бытие никогда не прекратится — не нужно доказывать. Апостол Павел в послании к Евреям говорит нам: *вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева.* (Евр. 12:22–24). Это — наше отечество (см. Евр. 11:14) и наш град, основа которому — Христос (см. 1 Кор. 3:11, Еф. 2:20, Евр. 11:10).

Но мы можем говорить и о вечности Церкви от начала. Святая Троица — прототип Церкви. И святой Фотий в одной из своих проповедей сказал

«сцерквилась» (ἐκκλησιάσασα) Святая Троица и создала мир, то есть собралась на Совет и проявилась как Церковь. Церковь как замысел Божественного домостроительства — изначально. Об этом говорит и святитель Григорий Нисский: «κόσμου κτίσις ἐκκλησίας κατασκευή» — «создание мира это уже устроение Церкви» (см. Евр. 4:3). На Предвечном Совете Бог определил создать мир, и определил, что совершится Воплощение ради теснейшего соединения Бога со Своим творением. Это соединение происходит в Сыне Божиим, и любя Сына Своего, Бог любит нас. Можно сказать, что вся история мира — это история Церкви.

Христос — это Церковь. И святой апостол Павел в своих посланиях отождествляет Тайну Христа и Тайну Церкви (см. 1 Кор. 10:16–17, 12:12,

Кол. 1:18–27). Господь наш — не только Глава, но и Начаток (ἀρχή), первая и самая лучшая ее Часть, первый член Своей Церкви, в Котором, как сотелесники Его — все остальные. И поэтому преподобный Максим Исповедник в «Мистагогии» отождествляет Церковь с Богом. Во Христе мы можем делать такое отождествление. Церковь — Тело Христово. Но Тело надо понимать в том значении, что во Христе участвует вся тварь, участвуют словесные существа, такие как человек, как ангелы; и при том участвуют свободно. Христос будет, как говорит святитель Григорий Палама, мирадиоипостасен (μυριοϋπόστατος), потому что наши ипостаси будут соединены с Ним. Наше отождествление со Христом отнюдь не лишает нас индивидуальности, напротив, оно только подтверждает нас, делает нас настоящими. Апостол Павел, который говорил: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2:20) был очень ярким человеком. И каждый из нас должен стать Христом. Как событие (γεγονός), как реальность, как Церковь — все это повторяется (и совершается) в нас. И поэтому Церковь с вечности задумана и уже «предвоплощена» во Христе. Моисей видел на горе Синайской образец, по которому и создал скинию (см. Евр. 8:5). Этим образцом была Церковь, и по образу Церкви создана скиния. Эта эсхатологическая перспектива показывает, что

Церковь старше и раньше скинии (как ее видел и святой Ерм в «Пастыре»).

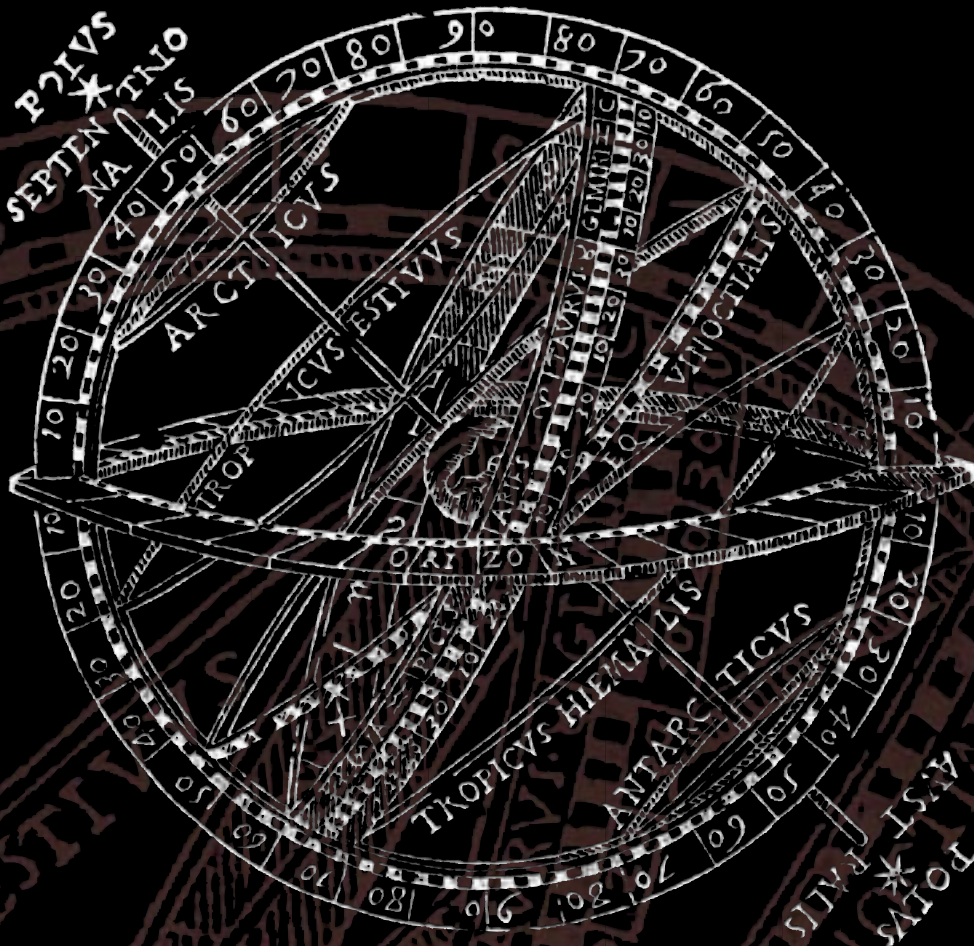
Образ соединения Адама с Богом — меньше, чем апостолов в Пятидесятницу. Это только предвкушение Церкви. Но и наше вкушение тоже неполно — *дай нам истее Тебе причащаться*, говорим мы, *истее*, то есть более тесно, более полно там, в Царствии Божиим. И святой Максим Исповедник в схолиях на Ареопагита говорит, что там было изображение (εἰκόνα), а Истина будет в вечности, в будущем веке.

Церковь в Откровении Иоанна Богослова — это Новый Иерусалим, Новое Небо и Новая Земля, Невеста Христова, в Котором она и предсуществовала. Воплощением же она осуществилась как Тело Его, в котором Он *обитал* (ἐσκήνωσεν) *с нами* (Ин. 1:14, Откр. 21:3). Церковь стала Телом Его, полнотою Его, полнотою Наполняющего все во всем (см. Еф. 1:22–23). Таково христологическое, пневматологическое и эсхатологическое понимание Церкви. Мы вполне можем говорить о становлении и возрастании Церкви, ибо мы можем говорить о нашем возрастании в ней, о нашем воцерковлении и приобщении ко Христу.

*Материал подготовил
иеродиакон Пантелеимон (Шустов), 5 курс МДС*

*Епископ Афанасий (Евтич)
в Московской духовной академии*

П. П. Гайденко

Христианство и машинная цивилизация

Современная научно-техническая цивилизация, на которую так или иначе равняются сегодня все страны земного шара, возникла не так уж давно: в Европе в конце XVI века. Почему именно в христианской Европе, а не в Индии, не в Китае или других странах с высоким уровнем культуры? Во многом это объясняется религиозным контекстом, в котором происходило формирование новоевропейского естествознания.

Начиная со второй половины XVI века снимаются жесткие разделения между естественным и искусственным, между небесным и земным мирами, снимается непреходимый водораздел между математикой и физикой. В античной философии и науке природа (φύσις) мыслилась через противопоставление ее не-природному, искусственному, тому, что носило название «τέχνη» и было продуктом человеческих рук. Но уже в схоластике «естес-

твенное» — это то, что создано бесконечным Творцом, а техническое — то, что создано человеком, творцом конечным. При таком воззрении природа предстает как *machina mundi* — машина мира, построенная бесконечным Творцом.

К XVII веку это противопоставление было окончательно преодолено. Рене Декарт видит разницу между машинами, сделанными руками мастеров, и телами, созданными природой, лишь в размерах механизмов. Декарт сформулировал положение, которое легло в основу новоевропейской науки — о тождественности естественного и сконструированного, природы и машины. Подлинным источником этой мысли оказался христианский догмат о творении мира Богом.

Другим важным моментом было противопоставление в античном естествознании небесного и земного миров, которое не допускало примене-

Пиама Павловна Гайденко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующая Сектором философских проблем истории науки Института философии Российской академии наук, специалист по истории философии, науки и культуры.

Автор книг

1. Трагедия эстетизма. Миросозерцание Серена Киркегора. М., 1970.
2. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ (VI в. до н.э. — XVI в.). М., 1980.
3. Эволюция понятия науки. Формирование научных программ Нового времени (XVII–XVIII вв.). М., 1987.
4. Парадоксы свободы в учении Фихте. М., 1990.
5. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М., 1997.
6. История греческой философии в ее связи с наукой. М., 2000.
7. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М., 2000.
8. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001.
9. Научная рациональность и философский разум. М., 2003.

ния математики в физике. Христианский догмат о Боговоплощении сыграл важную роль, разрушив основы античного представления о несовместимости небесного и земного. Согласно этому догмату, Иисус Христос, Сын Божий, есть в то же время Сын Человеческий. Тем самым, Небо как бы спущено на землю, или, что то же самое, земля поднята на Небо. Перенесение земли на аристотелево Небо, законы движения которого могут быть познаны с помощью математики — в отличие от движений земных, — уже содержало в себе возможность революции Коперника и снятия принципиальной границы между астрономией и физикой.

Возникает законный вопрос: почему европейское естествознание появляется только в XVI–XVII веках? В эпоху эллинизма и в Средние века сознание собственной греховности было у христиан очень острым, а потому на первом плане была задача спасения души, а не покорения природы. Нужны были серьезные сдвиги в мировоззрении, чтобы угасить чувство греховности человека, снять пропасть между ним и Творцом.

Это произошло в XV–XVI веках под влиянием неоплатонизма и герметизма — эзотерического маги́ко-оку́льтного учения, восходящего к полумифической фигуре египетского жреца Гермеса Трисмегиста. Герметизм располагал обширной аст-

рологической, алхимической и магической литературой, получившей распространение в эпоху Возрождения. Окультизм отличает от христианства вера в то, что существуют магические средства очищения, возвращающие человека к состоянию невинности, каким обладал Адам до грехопадения. Очистившийся человек становится «вторым Богом» и может самостоятельно управлять силами природы. Парацельс, Агриппа, Джон Ди, Джордано Бруно создали образ Человека-Бога, способного не только до конца познать природу, но и воздействовать на нее магической силой, преобразовывать в своих практических целях.

Хотя в XVII веке наступила реакция против эзотерики и герметизма, эти течения уже заметно изменили общемировоззренческую установку сознания. Приходится признать, что у истоков новоевропейского естествознания стоит не только христианство, но и герметизм. Печать двойственного происхождения оно несет на себе и по сей день. Наука в такой же мере унаследовала от античной науки и христианства любовь к истине и стремление с помощью разума постичь законы мироздания как прекрасного творения Божия, в какой и выросшую из маги́ко-оку́льтных корней жажду овладеть природой, силой вырвав у нее тайны, пересоздать ее, даже если это грозит уничтожением всего живого на планете.

От Хайдеггера к Платону

Интервью с Пиамой Павловной Гайденко,
доктором философских наук

Пиама Павловна, в своих работах Вы обосновываете, что истоки науки двойственны: с одной стороны — христианство, а с другой — оккультное влияние в эпоху Возрождения. Отсюда возникает вопрос: может ли христианин заниматься наукой?

В науке есть много таких вещей, которые воспитывают ум, которые направлены на постижение истины. Но в современной науке присутствует и другой мотив: овладеть природой, во что бы то ни стало поставить природу на службу человеку, переделать все, что существует, что создано Богом — и не только в физике, но уже и в генетике. Это острый вопрос: скоро нас начнут так переделывать, что неизвестно, какая будет природа у человека в будущем.

Оба мотива присутствуют в науке и в зависимости от личности ученого по-разному преломляются в его творчестве. В науке борются различные тенденции, она никогда не бывает единой. Поэтому очень важно, чтобы среди участников исследовательского процесса были и христиане.

Научное мировоззрение и христианство отнюдь не всегда уживались мирно. В советское время деятели науки — и верующие, и просто несогласные с официальной идеологией — подвергались гонениям. Насколько реальны и суровы были эти гонения?

Идеология вторгалась даже в естественные науки: «лысенковщина», запрещение кибернетики, а в гуманитарной сфере положение было еще хуже. Когда я училась на философском факультете (с 1952 по 1957 год), и даже спустя два года, когда после работы в Издательстве иностранной литературы я пришла в аспирантуру, идеологический гнет очень ощущался.

Сразу же с первого курса я стала заниматься историей философии, потому что в то время философия как позитивное исследование — это только диамат и истмат, а у меня очень давно, еще

в школьные годы возникло критическое отношение к таким идеологизированным направлениям. Впрочем, и в истории философии давление было очень сильным.

Расскажу такой случай. Когда я работала над диссертацией по Хайдеггеру, один из моих старших коллег как-то говорит мне: «Ну что Вы всё пишете „Хайдеггер говорит“, „Хайдеггер размышляет“? Хайдеггер разглагольствует, а не говорит, и не размышляет, а подтасовывает!» Даже язык требовали менять!

В таких условиях надо было вырабатывать особую энергию сопротивления, а это, кстати, человеку полезно. Сейчас нет никакого давления: говори что хочешь, чем оригинальней, тем лучше.

Однако были ученые, которые не шли на компромисс?

Безусловно. Самый любимый мой учитель, Валентин Фердинандович Асмус, преподавал историю философии и при этом старался быть абсолютно достоверным, никогда не следовал идеологическим «разработкам». Но как же его критиковали! Я до сих пор вспоминаю обсуждение его книги «Проблема интуиции в философии и математике». Интуитивизм тогда был гоним, потому что с точки зрения марксизма-ленинизма интуитивизм — это иррационализм. Книжка же была очень хорошая, он пытался в ней показать, в чем смысл интуитивизма, в чем его правда, в чем заслуга тех, кто ориентируется на интуицию. У нас на кафедре было обсуждение этой книги. И молодые преподаватели в течение трех часов читали мораль самому старшему нашему коллеге Валентину Фердинандовичу. Называли его и «ревизионистом», и «изменником Родины», чего только не говорили! А книжка была прекрасная.

На нашей кафедре было еще несколько человек, которые старались по возможности избегать всей этой идеологии, например, Василий Василиевич Соколов, Арсений Николаевич Чанышев. Незадолго

до моего ухода с кафедры там начал преподавать Геннадий Георгиевич Майоров, а затем появилось и много других молодых исследователей. Был еще Алексей Федорович Лосев, которого мы все очень любили; впрочем, он работал не в Университете. В последние годы он пытался объединить свои воззрения с марксизмом, но это уже в самый поздний период, очень долгое время он сопротивлялся давлению. Так что всегда в России оставались чистые и честные люди. И их сразу замечали, сразу к ним проникались доверием и любовью.

Очень много для нас значило, что мы воспитывались — и в школе, и дома — на русской литературе. А русская литература: Толстой, Лесков, Достоевский — давала прививку от марксистских догм, потому что она иначе ориентирована. Я глубоко убеждена, что наша русская литература проникнута духом Православия, и даже тогда, когда Толстой спорит с Церковью, вопрос о Боге глубоко волнует его.

Некоторые мои знакомые сейчас говорят: «Пиама, ты знаешь, идеологический прессинг сейчас наступает со стороны Православной Церкви, Православия». Но я такого прессинга вовсе не ощущаю. Иногда приходится слышать, будто бы эволюционистские теории противоречат Священному Писанию, но я думаю, что это очень упрощенный подход.

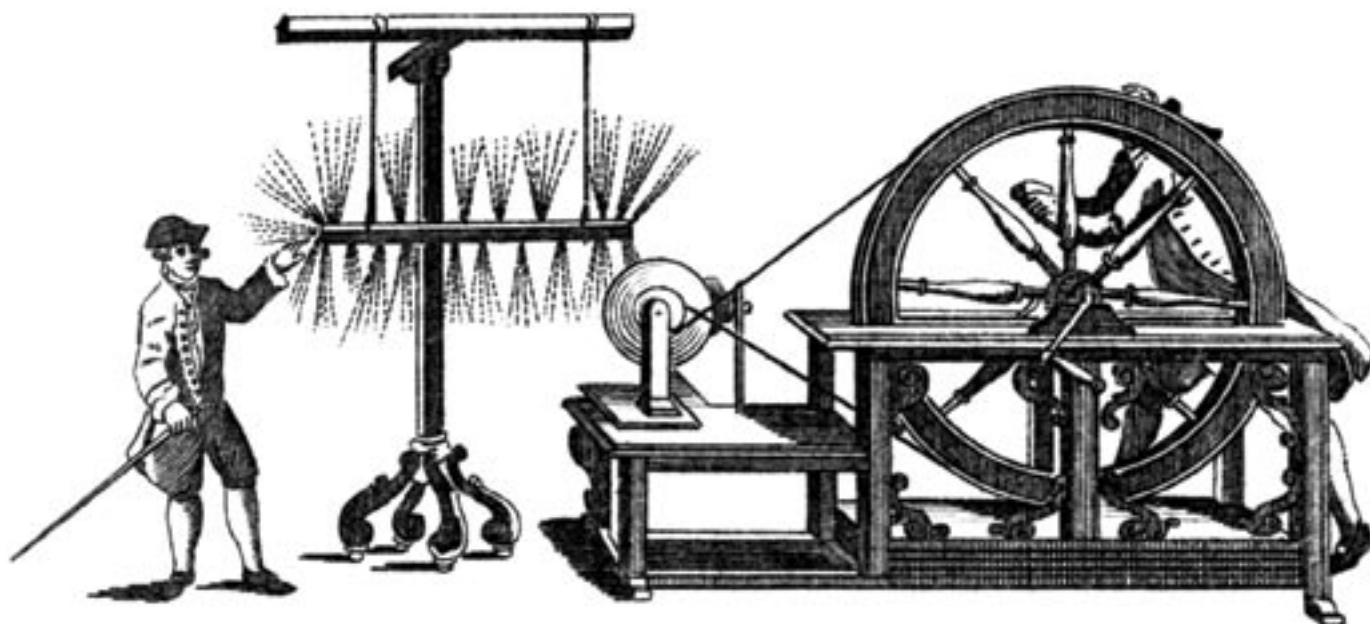
Многие положения святоотеческого богословия сформулированы на языке античной философии. Для древних святых Отцов это была современная философия. Не означает ли это, что сегодня богословие должно пользоваться языком современной

нам философии, учитывающим последующее развитие мысли?

Когда я начинала заниматься историей философии, я начинала с новой философии, моим учителем был Кант. И мне казалось, что в новой философии аккумулировано все, что было ценного в античности, и что поэтому античной философией и не стоит много заниматься. Но когда я стала заниматься античностью, уже в зрелом возрасте, после 35 лет, меня поразило, насколько античная философия недостаточно ассимилирована последующей мыслью, многое было недостаточно освоено, а многое просто совершенно превратно понято. Например, гегелевская трактовка античности во многом просто неадекватна. Поэтому я думаю, что изучение античной философии (и это уже после десяти лет занятий историей философии) дало мне больше, чем все, что я делала до этого времени. После этого я и Канта стала лучше понимать. Кант, кстати, очень почитал Платона.

Для формирования христианского богословия античная философия сыграла огромную роль. Например, классики ранней христианской философии Дионисий Ареопагит, блаженный Августин формировались как мыслители на основе платонической традиции. Блаженный Августин пишет об античных философах с большим уважением, считает их, в частности Плотина, предтечами христианства. Кроме того, на христианских богословов огромное влияние оказали и другие античные мыслители: стоики, неоплатоники и даже Аристотель. Так что без античной философии современный христианский богослов обойтись не может.

Беседовал Николай Солодов, 4 курс МДС

Плащаница для Преподобного,

или

Чудесная история
создания покрыва на раку
преподобного Сергия

Незадолго до первых ударов «Царя» — самого большого колокола Свято-Троицкой Сергиевой Лавры — ко праздничной всенощной 17 июля 2005 года из мастерских северной стены вышла небольшая процессия. В центре, благоговейно придерживая края долгожданного, только что вышитого праздничного покрыва на раку преподобного Сергия, шел смотритель Троицкого собора игумен Корнилий (Мороз) и вышивальщица Елена Бондарева. Их окружали девушки — учащиеся Отделения лицевого шитья Иконописной школы при Московской духовной академии, работавшие над созданием этого поистине замечательного произведения современного церковного искусства. Этому торжественному моменту предшествовали некоторые чудесные события, творческие поиски и двухгодичный кропотливый труд вышивальщиц.

Лена Бондарева за работой: малейший поворот стежка влияет на выражение лиц.

Как все начиналось

42

В 2000 году в Троице-Сергиевой Лавре начались работы по реставрации и благоустройству Троицкого собора. Чуть позже появился замысел украсить раку преподобного Сергия лицевыми покрывами. С этой идеей смотритель собора обратился к преподавателю Отделения лицевого шитья Иконописной школы Марине Владимировне Бирюковой, которая с радостью его поддержала.

Прошло несколько месяцев. «В мае 2003 года мы с Мариной Бирюковой встретились вновь и окончательно решили главные вопросы: кто будет шить покров, каков будет его цвет и сколько нужно средств и времени для исполнения работы,— рассказывает отец Корнилий.— Того, что на данный момент не было денег даже на покупку ткани, Марине я не сказал. Надеялся, что преподобный Сергей устроит...»

Как оказалось, именно в эти часы и благоволил Преподобный оказать свою небесную помощь. «Вечером того же дня я пришел в собор,— продолжает отец Корнилий.— Дежурный передал мне

записку от некоего Сергея Николаевича с просьбой позвонить. Неделю, наверное, я не мог с ним связаться, даже забыл об этой записке. Но как-то вечером на уборке храма я почувствовал головную боль и вернулся в келью пораньше. Мне вспомнилась переданная записка, я позвонил. Трубку взял Сергей Николаевич. Он почти не мог говорить от радости».

На следующий день в Лавре Сергей Николаевич рассказал отцу Корнилию следующее: «Я работаю инженером в крупной строительной компании, и мне задолжали большую сумму по зарплате. Я пообещал преподобному Сергию, своему покровителю, что если деньги отдадут, часть из них будет пожертвована в его обитель. Вскоре деньги выплатили, я взял обещанную часть и поехал в Лавру. Просто опустить их в монастырскую кружку я не хотел, мне важно было знать, на какое именно дело будет использовано мое пожертвование».

Сергей Николаевич обратился к братии, его сначала послали к эконому, потом к казначею, но никого из них он не нашел и очень огорчился, решив, что его жертва никому не нужна. Побродив

по Лавре несколько часов, он вернулся в Троицкий собор, встал около раки преподобного Сергия и стал молиться о том, чтобы Преподобный принял его труд и исполнил его желание. По словам Сергея Николаевича, во время молитвы у него появилась ясная, отчетливая мысль, словно повеление преподобного Сергия: «Отдай эти деньги мне на плащаницу».

Сергей Николаевич не знал, что такое «плащаница». Он подошел к мощам и увидел на раке скромный покров. Потом обратился к дежурному священнику в Троицком соборе и предложил пожертвование на плащаницу для раки преподобного Сергия. Батюшка строго объяснил ему, что плащаницы употребляются только с изображением Спасителя (в Великую Пятницу) и с изображением Богородицы (на Успение). А больше плащаниц в Православной Церкви не бывает. Так и ушел Сергей Николаевич ни с чем, предварительно упросив батюшку взять его телефон, по которому и позвонил отец Корнилий.

Огорченный благодетель ожидал этого звонка с нетерпением. В тот вечер он шел с работы с мыслями, что «если сегодня никто не позвонит, значит, все было просто наваждением и все это надо забыть». Едва лишь он успел открыть дверь квартиры, зазвонил телефон.

«Человек рассказывал мне это с большим волнением, — вспоминает отец Корнилий. — Он боялся и от меня услышать, что плащаницы бывают только в Великую Пятницу. Но я рассказал ему, что в тот день, когда он приехал в Лавру, мы окончательно решили шить новый лицевой покров на раку Преподобного, а денег на это не было. Так соединились две части одной истории, и было радостное чувство, что преподобному Сергию дорого намерение тех, кто хочет послужить ему».

Муки творчества

Тем временем в Иконописной школе обсуждалась идея создания покрыва. Работа над ним была поручена выпускнице Лене Бондаревой — иконописцу и вышивальщице. После долгих раздумий и творческих споров было решено избрать для покрыва традиционное фронтальное изображение преподобного Сергия в полный рост.

Для древних покрывов ткань выбиралась чаще всего голубого цвета. Но тогда были другие уставные особенности, и многих цветов, используемых в современной практике, не было. В настоящее время покрывы меняют в зависимости от праздничного цвета облачений. Белый — цвет больших господских праздников, желтый — святительский, голубой — Богородицы. Красные облачения надевают на Пасху и в память мучеников, черные — Великим постом. На Троицу и память преподобного Сергия Радонежского (главные храмовые праздники Тро-

В 2006 году Отделению лицевого шитья Иконописной школы Московской духовной академии исполняется 10 лет. Покров на мощи преподобного Сергия Радонежского, вышитый выпускницей Иконописной школы Бондаревой Еленой в сотворчестве с преподавателями и учащимися, стал самым значимым произведением этого периода. Он вобрал в себя весь опыт предыдущих лет поисковой работы в музейных собраниях, все лучшие наработки Отделения лицевого шитья.

Александр Владимирович Силкин, ведущий научный сотрудник Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И.Э.Грабаря (Москва), кандидат искусствоведения, специалист по древнерусскому шитью:

«Получился очень тонкий образ, восходящий к сергиевским покровам эпохи Ивана Грозного. В то же время в нем заметно живое творчество. Это не просто копия, это — переработка. В покрове очень хорошо подобрана ткань, это, конечно, не камка XVI века, но достаточно близкий к ней материал, хотя глухой по цвету. Также видно, что владение техникой доведено до высокого уровня. На лике, например, притинения сделаны тонко, чуть темнее основного тона личного. Нужно применить много знаний, искусства, чтобы создать подобную работу. Этот покров — большая удача! Хорошо, что в наше время создаются такие образы, не копия, а восходящие к древним. Рад, что они востребованы, даже несмотря на то, что изменилась эпоха и дух».

ицкого собора) цвет облачений — зеленый, поэтому и для нового лицевого покрова был выбран именно зеленый цвет. Чтобы найти достойную ткань с узором, аналогичным древним, мастерице пришлось объездить не один магазин элитных тканей в Москве. И ткань нашлась!

В сентябре 2003 года Лена Бондарева взялась за выполнение цветового эскиза. Размер будущего покрова определялся размером раки Преподобного. Рака в ее нынешнем виде существует чуть больше полувека. В древности молящиеся прикладывались к мощам преподобного Сергия, прикрытым только большими покровами. Но в советское время была опасность осквернения мощей, и поэтому на раку была сделана панель с окошком над головой. Покров закрывает панель до окошка, а главу — оглавник.

Работая над эскизом, Лена черпала идеи и вдохновение в известных древних покровах, памятниках шитья XVI века, хранящихся в собрании музея «Ризница» Троице-Сергиевой Лавры. Все они имеют фронтальное ростовое изображение святого в среднике, в сегменте над ним — изображение Троицы в виде трех ангелов, восседающих за трапезой, а по кайме — тропарь вязью. Художница творчески переосмыслила эту композицию с сохранением всех традиционных деталей.

По предложению отца Корнилия на кайме были размещены девять медальонов с изображениями радонежских святых: преподобных Кирилла и Марии — родителей преподобного Сергия; преподобных Никона и Михея — его первых учеников; преподобных Дионисия, Максима Грека и Андрея

Рублева; преподобномученика Кронида (Любимова) и преподобного Антония (Медведева). Еще одной особенностью нового покрова стало величание, написанное на среднике под поземом — аналогичное имеется на покрове святителя Никиты Новгородского начала XVI века.

Кропотливая работа

По размеру покрова специально были заказаны дубовые пяльца. В них на льняной основе запылили ткань фона и перевели на нее рисунок. Самые важные детали — лик и руки — Елена отрисовала по ткани кистью, как это делалось в древности. После этого она приступила к покраске нитей. Для лика нити окрашивались по древней технологии ольховыми шишками в два цвета: для «тени» и для «света». Для волос и бороды — в цвет волос, движков и сероватой притинки по краю головы. В конце октября 2003 года цвета были подобраны и Лена начала вышивать опись лика, то есть основные линии рисунка.

Весь лик Преподобного она шила по форме так же, как вышивались лики в 1561 году в мастерской Ефросинии Старицкой на плащанице «Положение во гроб». Подвижность лика достигалась игрой шелка, который повторял линии лицевых мышц. Вышивка всего личного (лик и руки) заняла время с ноября 2003 года по март-апрель 2004 года.

Следующим этапом работы была вышивка одежды. Так же, как и на ликах, все начиналось с описи. Линии делались живописно, чтобы был эффект «мазка кисти». Для выполнения одежды на покрове Елена реконструировала сложные прикрепы (особый вид художественного стежка), которые использовались в XVI веке. Как позже призналась мастерица, вышивка одежды — мантии и хитона — была самой монотонной и утомительной работой. Длилась она 5 месяцев (с Пасхи до конца лета 2004 года).

Пока Лена работала над одеждой, ученицы Отделения лицевого шитья приступили к вышивке каймы. Теперь за большими пяльцами ежедневно трудилось сразу по четыре человека. Одни шили галуны, другие вышивали святых в медальонах, кто-то уже взялся за буквы тропаря. Свою лепту внес и отец Елены, профессиональный художник, — для шрифта на покрове он выполнил стилизацию вязи XVI века. Текст тропаря вышивался «в прикреп», причем каждая буквочка имеет свой рисунок прикрепа.

Нимб у Преподобного был выполнен по образцу нимбов на плащанице Старицких. Объемный орнамент шит золотной нитью по проложенной заранее веревочке, фон нимба зашивался очень тонкой золотной нитью, чтобы добиться эффекта чеканки с мерцающей поверхностью. Камни для нимба (турмалины, хризолит и гранат) подобрали

Когда работа подходила к концу, девушки шили покров и днем, и ночью, сменяя друг друга.

к цвету одежд Преподобного и оправили в серебряные с позолотой касты.

Большой работой было шитье Троицы в образе трех ангелов, как в покрове на мощи преподобного Никона Радонежского (вклад, сделанный в 1586 году царем Федором Иоанновичем и царицей Ириной Годуновой). Работу над сегментом Лена начала в ноябре 2004 года. Самой большой сложностью, по признанию Лены, было шитье ликов. Размер ликов очень мал, и малейший поворот стежка влияет на выражение, поэтому приходилось несколько раз переделывать и лик, и руки.

Благословение благочинного

Сроков работы никто не устанавливал. Ради качества этой драгоценной вещи решили времени не жалеть, но постепенно укрепилось желание окончить покров к летнему празднику преподобного Сергия. Шли напряженные месяцы работы, но становилось ясно, что к празднику оставшийся объем все-таки не вышить. Лена сообщила об этом отцу Корнилию, а он в свою очередь — благочинному Лавры архимандриту Павлу (Кривоногову) — любителю и знатоку церковной вышивки. «Как же можно не успеть к такому празднику?! — возразил

отец Павел.— Нет-нет, обязательно надо успеть, передайте мастерицам мое благословение. Мы будем за них молиться».

Девушки вдохновились этим благословением, и с той минуты работа над покровом стала неусыпной. Позем, который нужно было вышить, занимал на пядьцах небольшой участок, за который могли сесть только два человека. Трое суток девушки шили его, сменяя друг друга. Работа не прерывалась ни днем, ни ночью. Проблема была не в том, чтобы найти кого-то, кто бы смог вышивать, а в том, чтобы заставить вышивальщиц хоть немного отдохнуть. Все хотели шить. И свершилось еще одно маленькое чудо: к празднику покров был дошит!

17 июля 2005 года во время акафиста Преподобному мастерицы уже подшивали подкладку. Освящали покров в Серапионовой палате — келье преподобного Сергия, под праздничный колокольный звон ко всенощной. А за 10 минут до ее начала, перед приходом в Троицкий собор Святейшего Патриарха, покров был возложен на раку.

*Наталья Ершова,
сотрудница Церковно-археологического кабинета
Московской духовной академии*

Свеча длиной в жизнь

Свечной цех

Художественно-производственного предприятия
«Софрино» Русской Православной Церкви

Для православного христианина свеча — это символ молитвы. Огонек горящей свечи воспринимается как пламя нашей веры, нашей надежды, нашей любви. Ребенок или взрослый, прихожанин или «захожанин», зажигая свечу, открывает свое сердце Богу и приносит свою молитвенную жертву.

О том, как и где производятся церковные свечи, мы узнали, посетив Художественно-производственное предприятие «Софрино» Русской Православной Церкви. Технолог свечного цеха Лидия Петровна Ноздровская любезно согласилась сопровождать нас.

Запас прочности

46

Первое, что замечаешь, попадая в свечной цех «Софрино» — мягкий, теплый запах воска. Людей здесь немного и каждый занимается своим делом. В зале расположено несколько больших аппаратов, которые позволяют делать свечи разных размеров и разной формы. Здесь делают архиерейские, паникадильные, венчалые, сувенирные и, конечно же, простые свечи. Способы их производства проверены временем и опытом софринских мастеров. Один из этих способов — кассетный. В ванну с расплавленным воском через равные промежутки времени аппарат макает кассеты с фитилями. Делается это до тех пор, пока каждая свеча не достигнет определенного диаметра в основании и на кончике: «Софрино» строго придерживается своих стандартов.

Богослужбные свечи сильно отличаются от сувенирных. Красочная сувенирная свеча горит в достаточно комфортных условиях — дома на праздничном столе. В отличие от сувенирных, богослужбные свечи требуют гораздо большего «запаса прочности». Они зажигаются в храмах, где бывает слишком жарко, или, наоборот, очень холодно; их подтапливают свечи, стоящие рядом, на них дуют сквозняки; этими свечами архиерей осеняет народ, их носят во время крестных ходов — условия, одним словом, экстремальные. Богослужбная свеча должна быть качественной, и мастера-технологи внимательно следят за соблюдением стандартов. Особенно тщательно подбирается фитиль, так как правильное соотношение размеров свечи и фитиля — залог ее качества. Кстати, именно в «Софрино» впервые стали применять пле-

тены фитиль, поскольку экспериментально было установлено, что он лучше, чем витой. Для повышения устойчивости к высоким температурам в парафин добавляют специальные компоненты, которые повышают температуру его плавления с 52°С до 80°С. Для восковых свечей сырье поступает от пасечников со всей России, а также из воскоперерабатывающих заводов Подмосковья и Алтая. В связи с тем, что потребность в восковом сырье постоянно растет, «Софрино» предполагает закупать воск в Китае и Индии.

Ручная работа

Некоторые типы свечей производятся без помощи автоматов, вручную. Нам удалось понаблюдать за появлением диаконской свечи. Это был тот же кассетный способ, но в меньших масштабах. Всем процессом занимался

мастер, который молча, без излишней суеты брал каждую свечу, просматривал, насколько она ровна, какова ее длина, нет ли трещин. Если требовалось, то он ее выравнивал, доразивал и каждую сам упаковывал.

Конечно, основная продукция — это привычные нам маленькие свечки. Изготавливаются они так: через емкость с расплавленным воском или парафином два барабана протягивают фитиль. Это продельвается несколько раз, пока свеча не достигнет определенной толщины, после чего свеча остывает и режется на нужный размер. У каждой такой машины стоит оператор, который следит за ее работой.

Своего «покровителя» имеет и немецкий аппарат «Kürschner», способный изготовить 600 цветных свечей за один цикл. Сосредоточенный на своей работе человек, лаконично ответив

на наши вопросы, продолжал следить за процессом выдавливания свечей. Нам объяснили, что этот аппарат требует своего профессионала, который должен обладать рядом специфических личностных качеств, таких как терпение, невозмутимость и внимательность. Сергей Гаврилович Сысоев уже 10 лет работает на этом месте, и, по словам Лидии Петровны, идеально отвечает этим требованиям. Нельзя не сказать и о сувенирных свечах, они в «Софрино» прочно занимают свое место. Каждая свеча индивидуальна, каждый «домик», каждый «колокольчик» вручную прорисовывается художником.

Гранка

Так называемая «гранка» и упаковка свечей производится исключительно вручную. В небольшом помещении за сто-

Художественно-производственное предприятие «Софрино» уже более шестидесяти лет производит свечи для нужд Русской Православной Церкви. Работа началась в 1944 году, когда в Новодевичьем монастыре открылся первый свечной цех. Сейчас цех оборудован высокотехнологичным оборудованием, в разработке которого принимали участие мастера «Софрино». Все свечи, выпускаемые этим предприятием, имеют российский сертификат качества и пользуются популярностью не только в России, но и за ее пределами.

лом сидят работницы, которые ловко делают правильные шестигранники из бесформенных пучков свечей. Альтернативного, более быстрого, автоматического способа гранки и упаковки пока

нет. Над разработкой специализированного аппарата работали научно-исследовательские институты, но ощутимых результатов не последовало.

Мастерицы нас радушно встретили и даже предложили попробовать себя в этом, как выяснилось, непростом деле. Казалось бы, все просто: берем пучок свечей, слегка его выравниваем, и... свечи сами собираются в плотную упаковку. Затем, поставив вертикально, стягиваем их небольшой резинкой для сохранения плотности, и придаем форму пчелиной соты, одновременно подсчитывая количество свечей в каждой грани. Хотя мне бессмысленно было претендовать на опыт работы сотрудниц с 25-летним стажем, но попробовать все-таки я решился. Ничего у меня не вышло. Свечи наотрез отказывались собираться воедино, и все деликатно сочли, что причиной тому была слабая резинка.

фото Дениса Матвеева

Упакованные свечи собираются в «семерки» — блоки из семи шестигранных пачек, в таком виде они удобнее для транспортировки. В настоящее время каждая из работниц сдает

по 100–120 «семерок» в день, в то время как раньше сгранивали по 50–55 «семерок». Количество заказов постоянно растет. Уже в декабре некоторые регионы заказывают наборы из зеленых, желтых и красных свечей для пасхальных трехсвечников. Нам показалось очень красивым начало изготовления красных пасхальных свечей. Представьте, еще в Великий пост, когда большинство автоматов делают обычные желтые свечи, один уже начинает производство красных. Постепенно красные свечи начинают делать и остальные машины. Чувствуется, что приближается Пасха.

Наше путешествие в «Софрино» не только прояснило технологию производства свечей. Мы познакомились с людьми, которые связывают со свечой всю свою жизнь. «Свечной цех — это наша свеча», — говорят они. — «Это наша свеча от сырья, через котлы, через фитиль, через автоматы, через гранку и упаковку — до Храма. Мы все к ней привязаны, мы даже говорим, что вытянули свечу длиной в жизнь».

Георгий Капланов,
1 курс МДС

Авва Христофор поведал: «После отречения от мира, чадо мое, я имел горячую иноческую ревность; днем я пел каноны, по ночам уходил в пещеру, туда, где покоятся святой Феодосий и прочие святые отцы, и там молился. Входя в пещеру, на каждой ступени я полагал по сто земных поклонов, а всех ступеней восемнадцать. Пройдя все ступени, я оставался там до тех пор, пока не ударяли в било. Тогда я возвращался к службе. Таким образом я провел десять лет в посте, великом воздержании и подвиге. Однажды, по обычаю, прихожу в пещеру. Исполнив все поклоны по ступеням, я хотел было сойти на пол пещеры, как вдруг пришел в восторженное состояние. Я увидел, что весь пол пещеры наполнен свечами. Одни горели, а другие — нет. Два мужа в мантиях — все в белом — приготавливали эти свечи.

— Зачем вы наставили столько свечей, — спросил я, — так что и войти нельзя помолиться?
— То свечи отцов! — отвечали мне.
— Почему же одни горят, а другие нет?
— На то их воля: желающие зажгли свои.
— Сделайте милость, горит ли моя свеча?
— Молись, и мы зажжем, — было мне ответом.
— Молись! — подхватил я. — Да что же я делал, даже до последнего часа?!

Но тут я пришел в себя, огляделся, но никого больше не увидел». (Иоанн Мосх. Луг духовный)

Митрополит Сурожский Антоний

Встреча в Галилее

Беседа на конференции жен священников
в Питерборо 11–12 мая 1971 года

Царство Божие и пустые хлопоты

Мне хотелось бы поговорить о том, что это такое — быть женой священника. Как вы догадываетесь, мои знания получены из вторых рук и, вероятно, не очень велики. Но мне хотелось бы отметить один или два момента, которые поразили меня в жизни жен наших православных священников, особенно моменты, поразившие меня болезненно.

Собрав все, что я узнал от разных людей, я пришел к заключению, что в жизни жены священника есть две большие трудности не на уровне действия, а на уровне бытийном. Одна пожилая жен-

щина, на протяжении многих лет жена замечательного священника, сказала мне, что первый момент состоит в том, что тогда как Авраам принес в жертву своего сына Исаака единожды, каждый священник чувствует, что его долг хорошего священника — приносить в кровавую жертву всю свою семью ежедневно. Мало того: в случае Авраама Бог обеспечил в замену ягненка, а за жену и детей священника Он никакого выкупа не предлагает. День за днем муж или отец приносит семью в жертву тому, что полагает своим долгом: созиданию Царства Божия и церковной деятельности. Когда жена и дети могут видеть реальную ценность действий мужа и отца, жертва болезненна, но имеет смысл;

но гораздо чаще бывает, что объективная ценность действий священника не очевидна, отчасти потому, что в деятельности священника всегда есть сторона, которую он объяснить или передать другим не может, отчасти же потому, что многое, что священник делает, воображая, будто строит Царство Божие, совершенно бесполезно и представляет собой пустые хлопоты. Во втором случае жена должна проявить понимание и помочь мужу различать между созиданием Царства Божия и множественностью действий, не имеющих с этим Царством ничего общего; действий, которые рядом с Гефсиманским молением, Крестной жертвой, славой Воскресения и Вознесения представляются почти кощунственными. Но в первом случае от жены требуется вера, подлинная вера, которая помогает мужу действовать, дает ему ощущение доверия и поддержки жены, даже когда она не имеет права понять его действия до конца. Есть проблемы, связанные с частной жизнью людей, о которых жена не имеет права знать, есть проблемы, связанные с исповедью и дальнейшим развитием человеческих отношений, где жена может принять участие, но очень небольшое, побочное, и здесь снова от нее требуется вера — вера, покоящаяся на доверии, выражаемая словами: «Я не понимаю, почему ты так поступаешь, но я знаю, что ты человек цельный, человек правдивый, человек Божий, человек любящий, и не вмешиваюсь в твои действия, более того, поддерживаю тебя молитвой, преданностью, всеми силами храня покой и устойчивость в доме».

Я менее всего говорю о внешней стабильности семьи, я говорю о прочности, надежности; потому что очень легко действовать, когда тебе доверяют, и почти невыносимо что-то делать, когда человек, которого ты любишь больше всех, сомневается в тебе на самом глубинном уровне.

«Как бы я хотел быть сиротой,
тогда у папы нашлось бы время
для меня!»

Есть и другие трудности в жизни жены священника. Любой другой человек, когда что-то неладно, может обратиться к Богу. Жена священника порой не может обратиться к Богу свободно и с открытым сердцем, потому что именно Он — причина ее душевного страдания. Ведь именно на службе Ему, в Его имя, из-за Него возникают трудности, которых иначе могло бы не быть; и это должны понимать и учитывать оба — и муж, и жена, и им следует приносить свои трудности Богу во всей простоте и открытости. И помимо Божьего руководства, временами требуется еще чье-то суждение и вмешательство: духовника, друга или епископа.

Я хорошо помню семью одного священника, где возникли большие сложности в отношениях, были потеряны радость, доверие, и не по грехо-

вности, а из-за праведности супругов. Муж был исключительно хороший священник. Так как он был русский священник, то он и его семья жили в большой материальной нужде. Все свое время и жизнь он отдавал пастве, семья чувствовала себя совершенно покинутой. Однажды кто-то из детей сказал: «Ох, как бы я хотел быть сиротой, тогда у него нашлось бы время для меня!» Это очень трагические слова. И как-то я обратился к этому священнику и сказал: «Послушай, ты воображаешь, будто строишь Царствие Божие, но для всех очевидно, что ты разрушаешь собственную семью, а семья есть *Церковь*, по слову апостола Павла и образу, который он дает. Ты должен отказаться от половины священнической деятельности, чтобы воссоздать свою семью». Он ответил с полным сознанием, что таково призвание священника: «Как же можно? Бог послал меня к этим людям, разве я могу их покинуть?» Тогда я воспользовался своей привилегией духовника и сказал: «Ты сделаешь это из послушания, и если кому-то грозит осуждение от Бога, я беру осуждение на себя, но ты отныне отдаешь полжизни семье».

Он так и поступил, сделав это с удивительной честностью и цельностью. Через некоторое время его жена пришла ко мне и спросила: «Что Вы сделали с моим мужем? Мы счастливы!» Тогда я спросил в свою очередь: «И как это повлияло на жизнь прихода? Приход распадается?» И она, а затем и ее муж ответили: «Наоборот, не знаю, почему, но мне теперь не нужно бегать из семьи в семью, люди приходят к нам домой, потому что, как они говорят, находят у нас мир, счастье и свидетельство того, что если дать Богу быть хозяином в доме, дом становится раем».

Я думаю, это очень важно помнить. Может быть, я должен был бы сказать это скорее вашим мужьям, чем вам, но я думаю, всем надо осознавать эту проблему, иначе главным врагом жены священника становится Бог, потому что из-за Него, в Его имя ежедневно приносится Аврамова жертва, из-за Него разрушается радость, счастье, устойчивость семьи.

«Что скажет Он вам, то сделайте»

Я хотел бы предложить вам образ, касающийся священника и, особенно, его жены, в контексте человеческих отношений; не описывая специально приходские ситуации, но человеческую ситуацию в ее универсальном, глубоко человеческом аспекте, универсальном в том смысле, что она приложима ко всему без исключения.

Вы не хуже меня знаете вторую главу Евангелия от Иоанна, рассказ о Кане Галилейской. Мне хочется обратить ваше внимание на роль, которую играет в этом событии Мать Божия; не ко всей притче, а к месту Богоматери и тому, как Она пос-

тупает, потому что Она была не просто «полезной» во внешнем смысле, Она играла непреходящую и решающую роль в этом событии.

Кана, деревушка в Галилее. Брак в бедной семье: гости, крестьяне, друзья из соседних деревень, может быть, несколько друзей из маленьких провинциальных городков в округе — Питерборская епархия; среди прочих приглашена Мария, Мать Иисуса, и также Иисус с учениками. Пир бедняков. Это значит — все, что у них было, уже на столе, они поставили все, что могли, а сердца гостей еще голодны, жаждут еще радости, веселья еще большего, чем уже испытали, и им не хватает вина. И тогда Мать Божия обращается к Сыну и говорит: «Вина нет у них».

Можно ли поверить, что Мать Божию волновало только, чтобы запас вина был бесконечен и чтобы гости могли пить, пока не упьются, и чтобы праздник любви завершился всеобщим опьянением во всем его безобразии? Конечно, нет. Но вы помните образ вина в Писании: *вино веселит сердце человека* (Пс. 103:15), вино бодрит людей. И на другом краю спектра — рассказ о Пятидесятнице, схождения Святого Духа, слова людей, слышавших первую проповедь апостолов: еще слишком рано, чтобы они могли быть пьяными от сладкого вина, и однако они говорят, как люди опьяневшие (см. Деян. 2). Везде в Писании образ вина есть образ того, что прикосновение Божие, явление Святого Духа может сделать с человеческой душой, зажечь ее так, что она горит пламенем, полным жизни, света, порыва, сияния и тепла.

Мать Божия обращается к Своему Божественному Сыну не для того, чтобы Он совершил приземленное чудо, которое кончится земной гулянкой, а чтобы Божественное прикосновение придало празднику нечто, что никогда не улетучится, что сделает радость глубокой, вечной. Но обратите внимание на разговор. Я буду пользоваться переводом, который кажется мне наиболее близким к греческому тексту.

«У них нет вина». Иисус оборачивается к Матери и говорит Ей: «Что Мне и Тебе, Жено? Еще не пришел час Мой». И затем, против всякой логики, ничего не отвечая Сыну, противореча Его словам каждым Своим действием, Мать Божия обращается к слугам и говорит: «Что скажет Он вам, то сделайте». Христос только что сказал, что ничего не собирается делать. Он только что спросил Ее, почему, по какому праву вообще Она обратилась именно к Нему. Она же указывает слугам выполнить, что бы Он ни приказал, и, как бы противореча Себе, Господь совершает нечто. Он совершает чудо в Кане.

Это не цепь бессмыслиц, это нельзя объяснить ошибкой в тексте, это нельзя принять просто потому, что это Священное Писание, в надежде, что когда-нибудь мы сможем понять то, что пока

рис. Елены Бузальской

кажется совершенно непонятным. Христианские авторы силились понять этот текст, и из глубин церковного опыта возникло некое объяснение. Святитель Иоанн Златоуст принял пессимистическую точку зрения. Он говорит, что здесь мы видим пример обычного поведения матерей: поскольку они привыкли приказывать детям, пока те были маленькими, матери думают, что могут продолжать командовать всю их дальнейшую жизнь, и даже Мать Иисуса заслужила упрек в этом. В свете дальнейшего мне кажется это толкование неверным. Я позволю себе реконструировать текст, — это, конечно, только парафраза и попытка прояснить смысл.

Мать Божия, тронутая состраданием, знающая, что такое совершенная радость, радость духа,

обращается к Сыну и говорит: «У них нет вина, радость тускнеет, пир подходит к концу, но посмотри, сердца их распахнуты, глубоко открыты в ожидании радости». Он отзывается: «Что у нас общего? Почему Ты обратилась ко Мне? Потому ли, что Ты Мать Моя по плоти и из-за этого чувствуешь Себя ближе всех ко Мне? В таком случае, Мы все еще в области естественных отношений, а это не область благодати, не область Царства, здесь не бывает чудес; и тогда Мой час еще не пришел». И затем, не отвечая Ему, но свидетельствуя, что Царство Божие неким образом уже пришло, Мать Божия совершает акт веры: «Что Он скажет вам, то делайте». И поскольку Она — Та, о Которой Елизавета, движимая Духом, вдохновленная Им в самом сильном смысле слова, сказала: благословенна Ты, уверовавшая, что дано будет Тебе по вере Твоей, по слову Божию (Лк 1:42–45), Она совершает акт абсолютной веры, и Царство Божие устанавливается, ибо везде, где Богу предложена абсолютная вера, то есть полное доверие и верность, Бог свободен действовать: Царство пришло.

По древнему еврейскому изречению, Бог может действовать везде, если только человек Его допустит. И Христос отзывается; здесь больше не действуют естественные отношения, это связи по благодати, по Царству, которое объявлено и свершено, достигло полноты, стало явным. Согласно законам Царства Бог действует свободно, и вода, обычная вода обычной жизни становится вином Царства Божия.

Я сказал, что хочу обратить ваше внимание только на одного человека, на Божию Мать, потому что во многих жизненных ситуациях вы занимаете именно Ее место. Вы можете быть тем человеком, который способен проявить внимание, чуткость, сострадание, понимание, любовь, вы можете различить нужду, не высказанную людьми, которые не верят в возможность выхода. Если вы просто присядете за столом к радующимся, если вы просто посидите у постели больного, если вы просто окажетесь среди обездоленных, сомневающихся, отчаявшихся, — смотрите, слушайте, будьте внимательны, учитесь различать. В какой-то момент вы сможете обратиться к Богу и сказать: «Господи, здесь нужда. Ты открыл ее мне, потому что, по-человечески говоря, мы все слишком эгоистичны, слишком слепы, слишком эгоцентричны, слишком замкнуты в себе, и не замечаем нужды рядом. И я верю в Тебя, я доверяю Тебе безоговорочно. Я знаю, что как Ты говорил с Авраамом о Содоме и Гоморре, воспламеняя его любовью, на которую Ты мог бы ответить, как Ты ответил на молитву Твоей Матери, Ты ответишь и на мою молитву. Я в это верю и потому среди людей, которым кажется, что Царство Божие далеко, — Царство Божие уже здесь, оно уже пришло в силу. Ты можешь действовать, Господи, потому что здесь

присутствует человек, который верит безоговорочно и зовет: „Приди, Господи Иисусе!“»

И это мы можем делать всегда, везде; нет момента, нет ситуации, когда мы не могли бы быть тем, чем была Мать Божия в Кане Галилейской, чем были миллионы христиан в подобной или глубоко отличной ситуации. Присутствие веры делает Богу возможность действовать.

Тесная упряжь

Я прочитаю вам отрывок из «Записок Пиквикского клуба» и, чтобы лучше связать цитату с последующим текстом, предлагаю вам везде, где встречается слово «лошадь», мысленно подставить слова «священнослужитель», или «мой муж», или «я».

— Кэб! — окликнул мистер Пиквик.

— Пожалуйте, сэр! — заорал странный образчик человеческой породы.

— «Золотой Крест», — приказал мистер Пиквик.

— Дел-то всего на один боб, — хмуро сообщил кэбмен своему другу уотермену, когда кэб тронулся.

— Сколько лет лошадке, приятель? — полюбопытствовал мистер Пиквик, потирая нос приготовленным для расплаты шиллингом.

— Сорок два, — ответил возница.

— Что? — вырвалось у мистера Пиквика, схватившего свою записную книжку.

Кэбмен повторил. Мистер Пиквик испытующе взглянул на него, но черты лица возницы были недвижны, и он немедленно занес сообщенный ему факт в записную книжку.

— А сколько времени она ходит без отдыха в упряжке? — спросил мистер Пиквик в поисках дальнейших сведений.

— Две-три недели, — был ответ.

— Недели?! — удивился мистер Пиквик и снова вытащил записную книжку.

— Она стоит в Пентонвиле, — заметил равнодушно возница, — но мы редко держим ее в конюшне, уж очень она слаба.

— Очень слаба! — повторил сбитый с толку мистер Пиквик.

— Как ее распряжешь, она и валится на землю, а в тесной упряжи да когда вожжи туго натянуты она и не может так просто свалиться; да пару отменных больших колес приладили; как тронется, они катятся на нее сзади; и она должна бежать, ничего не поделаешь!

Я думаю, что это прекрасное описание жизни духовенства. Здесь описан один из основных моментов, делающих жизнь трудной. Кэб (можно сказать «приход» или что угодно) обладает заме-

чательно большими колесами; стóбит лошади тронуться с места, они начинают крутиться. И что остается делать лошади, как не бежать, спасаясь от колес? По-видимому, деятельность и все возрастающая деятельность есть неизбежное условие жизни жены священника или его собственной жизни. Но проблема состоит не только в том, чтобы быть деятельными; проблема в том, чтобы знать, является ли наша деятельность *христианской*. Ибо все, что делают священник и его супруга во имя Христа, должно быть христианским. Я не подразумеваю совершенно нехристианские слова или поступки в моменты нетерпения или что-то подобное. Я имею в виду нечто гораздо более существенное. Что такое христианское действие? Каким образом действие может быть специфически христианским, в отличие от добронамеренной, разумной, эффективной, нравственно здоровой деятельности неверующего человека или секулярного мира? И кроме того, как в эту картину включить созерцание?

Действие из глубины созерцания

Если, думая о созерцании, вы определяете его в терминах кельи затворника или отшельника в пустыне, а деятельность оцениваете по ее эффективности или цели, тогда, подобно Востоку и Западу в стихотворении Киплинга, «вместе им не сойтись». Но есть ли деятельность то, что мы обычно понимаем под этим словом, и нужно ли определять и описывать созерцание в терминах, какие мы обычно употребляем?

Позвольте мне обратить ваше внимание вот на что. Христос — образец для всякого христианина. Не думаю, что кто-либо может утверждать о себе, что он более эффективно, постоянно и совершенно деятелен, чем Христос. Вся Его жизнь была действием, говорил ли Он или молчал, обращался к отдельному человеку или к толпе, исцелял кого-то или просто пребывал в присутствии людей, Он всегда был в действии, потому что действовал изнутри Себя, и Его влияние сказывалось в том, чем Он был, а не только в том, что Он делал.

С другой стороны, никто никогда не был столь постоянно и совершенно в созерцании, как Господь, но отнюдь не в смысле бегства от жизни в молитву, а в другом, более существенном, более значительном. Евангелие говорит нам, кажется, в пятой главе от Иоанна: *Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу; и суд Мой праведен: ибо не ищю Моей воли, но воли пославшего Меня Отца* (Ин. 5:30). Иначе говоря, слова Христа, произнесенный Им суд был судом Божиим, который Он воспринял с совершенным вниманием, в акте совершенного слушания и исполнения в совершенном послушании услышанному. Мы не раз видим в разных местах, как Христос говорит, что Отец все еще действует, творит. И то, что Отец делает, Он показывает Сыну, и Сын выражает, воплощает, осуществляет это в Своей земной жизни и до конца времен. Следовательно, говорил ли Он или действовал, Христос всегда действовал из глубины созерцания. И созерцание в Нем было совершенной способностью слушать и слышать, смотреть и видеть, и осуществлять — будь то словом, или движением, или безмолвием, или воздержанием от действия — то, что Бог хотел видеть свершившимся.

Я еще вернусь к тому, каким образом мы можем что-то узнать об этом, но тут мы можем видеть, что действие и созерцание для Христа были одно и то же. Он действовал словом, жестом, поступками; Он Сам был действием Божиим, и именно это характерно для христианского действия. Я не хочу этим сказать, что различные наши действия, совершенные в соответствии с Евангелием, по заповедям Христа, целенаправленно, совместно и, следовательно, в поиске, что и как мы должны делать, не находятся в области христианского делания; но хочу подчеркнуть, что в конечном итоге христианское действие должно быть действием Божиим, которое мы уловили и выполнили. Вот чем *мы* должны *быть* на самом деле.

Какого цвета глаза Вашей жены?

Я начал с «Записок Пиквикского клуба», следующей цитатой я спущусь гораздо ниже Диккенса. Года два назад, на пару с каноником Дугласом Раймзом, я читал лекции о молитве в нескольких

рис. Михаила Ганнушкина

городах Соединенных Штатов. Меня забросило в чей-то кабинет, и так как я был слишком усталым, чтобы оставаться без дела, то взял с полки книгу. Мне предстояло прочесть лекцию о созерцательной жизни, и Провидение послало мне стихок, который вам, вероятно, хорошо знаком, но вряд ли применялся для духовного научения. Он начинается так:

В лесу жила-была премудрая сова.
Преостро видя все, скупились на слова;
Скупясь же на слова, все слышала и знала.
Ах, если бы она для нас примером стала!

Я думаю, это почти исчерпывающее учение о созерцательной жизни для начинающих и для тех, кто живет приходской жизнью, для людей в миру. Стишок говорит нам, что первое условие, чтобы слышать — научиться некоторой степени молчания, первое условие, чтобы видеть — научиться смотреть. Это кажется очевидным. Но это не очевидно из того, как мы относимся к этой теме. Вы прекрасно знаете, как мы слушаем друг друга. Пока человек говорит, мы в мыслях комментируем его слова, и в конце его речи у нас готово возражение ему. Мы не прислушивались к тому, что он говорил, мы вслушивались в то, что можем ему возразить. То же самое верно в отношении зрения. Очень редко мы смотрим в лицо человеку так, чтобы запомнить и увидеть его. Часто ли мы помним лицо человека, которого каждый день встречаем на работе, на улице, на лестничной площадке? Мы узнаем человека по нескольким формальным характерным чертам, вот и все. Я помню одного священника; проповедуя в его присутствии, я сделал подобное замечание. Он сказал: «Как я могу помнить людей, приходящих ко мне? Я слишком многих вижу!» Нет, он не видел никого из приходивших к нему! Потом он спросил: «Можете ли сказать, каким образом этому научиться?» Я ответил: «Закройте глаза и скажите, какого цвета глаза у вашей жены». Он не смог дать ответ! — они слишком долго были женаты... И это чрезвычайно серьезно. Оно, конечно, звучит забавно, но это значит, что мы *не* видим людей и *не* слышим, что они говорят. Что касается слышания, тут дело обстоит некоторым образом еще хуже, потому что глазами мы способны по крайней мере узнать человека, опознать его, но так как мы трусливы, слушаем мы неохотно. Мы слушаем только слова, стараясь не брать на себя риск понять смысл, стоящий за словами; закрываем сердце, чтобы не брать на себя ответственность, чтобы не связаться с мыслью, с жизнью другого человека.

Вы встречаете человека и приклеиваете ему ярлык «учитель», «директриса», «епископ», «мой сосед», и как только вы наклеиваете ярлык, ярлык заслоняет вам человека. Потому что человек не

есть то или другое из упомянутого, он чрезвычайно сложное существо, а вы знаете только одну его грань, отмеченную вашим ярлыком; а в нем есть еще бесконечно много граней, о которых вы даже не подозреваете.

Помню, однажды в Америке я зашел в старый храм. Я просто зашел посмотреть и увидел: сидит человек, охватив голову руками в состоянии, как мне показалось, глубокой подавленности. Я подошел к нему, обнял за плечи и сказал: «В чем дело?» Он обернулся ко мне и начал плакать, а потом рассказал, что женат уже двадцать пять лет, что он священник. И он обнаружил, что больше не любит свою жену, и единственный выход для них — расстаться. А если он расстанется с женой, то расстанется и со священством, потому что это будет полный крах всего, во что он верил.

Мы поговорили, не очень долго, но действительно, что называется, «от сердца к сердцу». И я

рис. Михаила Ганнушкина

посоветовал ему пойти домой, и прежде чем позвонить в дверь, остановиться и осознать, что он ищет не девушку, на которой женился двадцать пять лет назад, что он не станет искать черты, которые он видел некогда, и в целом девушку, которой больше нет; он остановится и скажет себе: я звоню в дверь незнакомой женщины. Кого я встречу? — и спросит себя, может ли он полюбить эту женщину, которую прежде никогда не видел. Он так и сделал, и потом написал мне, что никак не ожидал того, что случилось. Он остановился, отбросил все прежние образы, позвонил в звонок и взглянул в лицо женщины, открывшей дверь; и влюбился в нее. Потому что он посмотрел в лицо действительности и не отогнал ее ради того, что когда-то было реально, но не отвечало его ожиданиям теперь.

«Возвестите братьям Моим,
чтобы шли в Галилею»

Я хотел бы сделать вместе с вами еще один шаг по этому пути. Надежда должна быть укоренена в радости, а радость — в некоем уже пережитом опыте, не в том смысле, что надежда пытается вернуть прошлое, а потому, что она укоренена в уверенности, основанной на нашем собственном опытно пережитом прошлом. Мне хотелось бы напомнить вам отрывок в конце 28-й главы Евангелия от Матфея, когда Христос говорит Своим ученикам, чтобы они шли в Галилею: *там Меня встретите*. На первый взгляд, очень странный приказ. Ученики только что встретили Христа, и Он Сам тут же говорит им, что встретит их в Галилее. Кроме того, почему в Галилее, а не где-либо еще? Разве Галилея — особенно святое, священное место? Разве Галилея — в большей степени врата в Царство Божие, чем Иерусалим, чем Сионская горница, Гефсиманский сад, Крестный путь, Гроб Господень? В чем дело? Мне кажется, Галилея имела особое значение в жизни учеников. В Галилее они впервые встретили Господа Иисуса Христа. Это место первых откровений, это место, где началась Весна их жизни, новизна жизни. Галилея — место первого открытия вечной жизни, восходящего солнца, конец ночи, о которой говорит Исая (Ис. 21:4, 12). Поэтому вернуться в Галилею после жестких, грубых, жестоких переживаний в Иудее означало вернуться к началу всех начал, вернуться к месту, где все было новым, все в становлении, все свежесть, новизна весны.

Идите в Галилею, оставьте землю Иудеи, где прошла вся борьба, где все застыло в противостоянии, ненависти, отвержении, где все осуществилось в убийстве и смерти. Идите и обретите там вновь все, что на вас хлынуло из вечности, где вы вошли в преображенное время, преображенную историю. И они пошли в Галилею и встретили Христа там, где встретили и обнаружили Его впер-

вые. Тяжкие, жестокие годы в Иудее должны были показаться страшным кошмаром. Они вернулись туда, где все было жизнь, жизнь в избытке, место первого чуда в Кане, место первой встречи с воплощенной любовью.

Я думаю, то, что случилось с ними, случается не раз в жизни каждого из нас по отношению к Богу, по отношению к ближайшему окружению, к родителям, супругам, детям, друзьям; по отношению к приходу, ко всем общественным группам. Есть минута первого открытия, ничем не замутненного видения другого, пока жизнь не сплела двух людей напряжением и проблемами. Позже мы проходим через разные стадии: пыль покрывает свежесть весенних листьев, их иссушает палящий зной, все твердеет, нагромождаются проблемы, неразрешенное напряжение делает жизнь трудной, отношения теряют гибкость. Мы должны время от времени возвращаться в Галилею. Это относится к каждому встреченному человеку, потому что первая встреча была полна безграничных возможностей. Они усыхают с течением времени, и однако они здесь, как семена любви, и если их поливать, охранять, они могут снова расцвести в бытие и цветение Весны.

Вспомните, как вы впервые попали в утомительный, скучный, трудный, назойливый приход. Вы ожидали чего угодно. Это была встреча в Галилее. Вы отворяли двери одному входящему за другим с полной открытостью, без предубеждений, готовые ко всему, то есть готовые узнать посланного вам Богом человека. А потом все стало трудным, однообразным, тяжким. Вы начали жизнь жены священника, радуясь его священству, а позже его священство так много отняло у вас, создало так много проблем, что радость теперь только смутно припоминается, священство стоит между им и вами; я мог бы продолжать, приведя множество примеров. Найдите время, минуты, украденные у жизненной суеты, минуты, когда внезапно, неожиданно на вас снисходит мир, тишина, ясность, и вернитесь в Галилею. Вспомните, как вы радовались на рукоположении вашего мужа, что он стал в новом смысле, новым образом, на новом уровне человеком Божиим, человеком, которого посылает Бог, и как вы готовились рука об руку идти к новой цели. Вспомните приход, каким вы его видели первое время. Вспомните людей. Верните себе все это, потому что все это так же реально сейчас, как было тогда. Будущий помощник священника, следующий диакон, следующий настоятель приедут в этот же самый приход и снова увидят в нем Весну жизни, и их жены тоже.

Перевод с английского М. В. Шмаиной
под редакцией Е. Л. Майданович.
Публикуется в сокращении.

Дмитрий Лолуа

Как не сбрендить от брендов

Когда мы видим на полках магазина товары вроде бальзама «Черный знахарь», использующие или же цинично эксплуатирующие сакральные понятия и имена, первое, что приходит на ум — это усердно молиться великомученику Феодору Тирону или начать «кидать камни». И все же стоит задуматься о тех брендах, которые неприятно озадачивают нас своей символикой, больно задевают христианское сердце. Где же заканчивается культурологическая и начинается мистическая составляющая продукта? Чем по сути являются торговые марки и бренд-неймы?

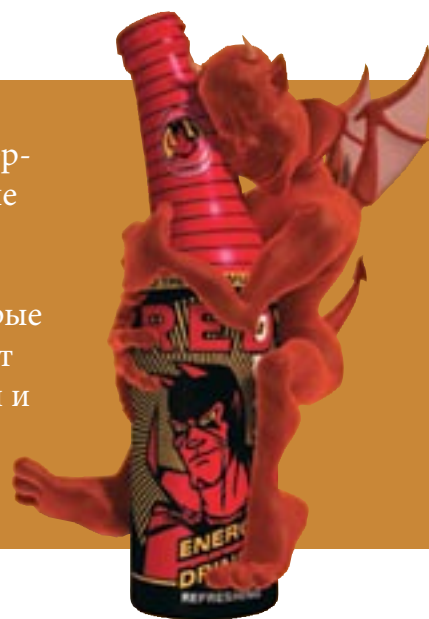

рис. Menno van Dijk

Знамена и клейма

56

Бренды вошли в повсеместное употребление и стали неотъемлемой частью торговых взаимоотношений многие века назад. Ремесла и торговля развивались, и людям было безразлично, чьи товары покупать. Зачастую предпочтение отдавалось товарам известных мастеров, которые распознавали по знакомым клеймам. При этом «автором» товара, а значит, и правообладателем клейма, могло быть как отдельное лицо, так и группа лиц — например, род или племя.

Знаки наносились перстнем-печаткой — символом власти,

общим для многих древних народов. Ценные металлические предметы клеймились, став прообразом современных ювелирных изделий с пробирными клеймами. Косвенное упоминание знаков рода, или так называемых «тамг», встречается и в Ветхом Завете: *Сыны Израилевы должны каждый ставить стан свой при знамени своем, при знаках семейств своих* (Числ. 2:2). Клеймение служило не только для того, чтобы выделить себя или свое рукоделие из числа прочих подобных. Нанесение клейма носило также и функцию инвентаризационную, призванную удостоверить право на обладание объектами,

к примеру, пленными: так Птоломей IV Филопатор повелел иудеев зачислить в рабское состояние и отмечать, выжигая им на теле знак Диониса — лист плюща (3 Макк. 2:20–21). Впрочем, можно предположить, что ношение на теле такого безусловно табуированного Законом знака не отлучало иудея от богоизбранного народа.

Сплав культур

Древние евреи не были изолированы от сопредельных народов: не столько войны и союзы, сколько торговые связи способствовали взаимопроникновению культур. Для

народа Божия такое общение неоднократно приводило к тому, что Израиль отступал от божественных установлений и перенимал религиозные практики своих торговых партнеров, соседей и завоевателей: *Сыны Израилевы продолжали делать злое пред очами Господа и служили Ваалам и Астартам, и богам Арамейским, и богам Сидонским, и богам Моавитским, и богам Аммонитским, и богам Филистимским; а Господа оставили* (Суд. 10:6).

С другой стороны, нельзя отрицать и положительного влияния иудаизма на окрестные народы. Так и в России наших дней мы свидетельствуем о красоте и всеобъемлющем культурном значении Православия перед всеми народами многонациональной и многоконфессиональной страны. Как мусульмане, так и иудеи, как последователи восточного теизма, так и агнос-

тики в определенной мере культурологически соприкасаются с Церковью, покупая пластиковую бутылку с прохладным Святым Источником™, кекс-кулич «Весенний» или бутылку кагора со вполне религиозным посылом на этикетке.

Логосы и логотипы

Слово, λόγος — это не просто набор букв или звуков. Λόγος — это учение, это послыл, это информационная единица. Так же и бренд есть не просто зарегистрированное буквенное начертание, наносимое на упаковку. Бренд — это слово, название, это также и *message*, философия, стиль жизни.

Священное Писание устами святого Павла, апостола язычников, говорит нам о том, как подобает действовать христианину, если тот оказался на стыке двух культур: *Если кто*

из неверных позовет вас, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования (1 Кор. 10:27). Апостол Павел уточняет: *Но если кто скажет вам: это идоложертвенное, — то не ешьте ради того, кто объявил вам, и ради совести. Не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни Церкви Божией* (1 Кор. 10:28, 32). Суть новозаветных ограничений на употребление идоложертвенного не в ритуальной скверне продуктов или их ложном мистическом посвящении псевдобогу, а в том, что христианин призван всем своим поведением свидетельствовать о Христе, пусть не явно учительно, но непременно практически назидательно. Так и заповедание об идоложертвенных яствах состоит не в физическом поглощении или непоглощении идоложертвенного, а в примере, подаваемом окружающим.

Иларион, епископ Венский и Австрийский, представитель Русской Православной Церкви при европейских международных организациях:

Ясчитаю, что христианину не следует покупать продукты с явно «демоническими» названиями или посещать заведения с подобными названиями. Исключение могут составлять те случаи, когда то, что нам представляется демоническим, обусловлено иной культурой и иными стандартами (например, название китайского ресторана «Красный дракон» для самих китайцев не имеет демонических коннотаций).

Употребление демонических наименований вряд ли можно считать посвящением дьяволу, и здесь должно действовать то же правило, что и по отношению к ругательствам вроде «пошел к черту» или «черт его знает» (употребляемое едва ли не в качестве синонима «Бог его знает»). Христиане не должны употреблять эти выражения не потому, что при их употреблении черная сила немедленно вступает в действие, но потому, что любое соприкосновение с ней, даже на уровне слова-символа, любая аллюзия на нее, даже случайная, является неподобающей.

Что же касается «Души монаха» и любого другого продукта с церковным или псевдоцерковным наименованием, то такой продукт употреблять христианину, как я думаю, не возбраняется.

Исчислять и классифицировать бренды с религиозными или демоническими коннотациями — дело малоперспективное. Взыщеша разума в злых — и не обрящеша.

1 Энергетический напиток «Red devil»

На банке-жестянке в игривой манере изображен бес, стилизованный под Бэтмена, с завуалированными под торчащие треугольниками ушки демонскими рогами.

2 Туалетная вода «Magie Noire»

Эта туалетная вода знакома дамам еще с советских времен. Парфюмерная новинка 1978 года от Lancôme стала первой в череде парфюмерных брендов этой компании, которые носят хоть и не воинствующе оккультный, но все же чересчур мистическо-сакральный обертон. В последствии Lancôme выпустил «Miracle», «Miracle so magic!» и «Hypnôse».

3 Торт «Чародейка»

Известный с давних времен эксперимент советского пищедрома под названием торт «Чародейка» вкусен и оригинален. Только обостренное воображение при взгляде на торт нарисует чернокожую оккультистку, практикующую ритуалы вуду.

4 Ресторан «Замок Мефисто»

Претенциозный ресторан средней руки с лубочно-готическим интерьером и истошно демонизированным антуражем. Прочно занимает свою узкую нишу, находясь в центре Москвы, но на периферии ресторанного бизнеса.

5 Страховая компания «Оранта»

Логотип страховой компании «Оранта» воспроизводит одноименный иконографический образ Богородицы в духе советского монументального творчества.

6 Водка «Богородская»

Богородск — исконное название города Ногинск Московской области. На этикетке водки «Богородская» изображен Богоявленский кафедральный собор города Ногинска в богородичном, голубом оттенке.

7 Газированный напиток «Святой Грааль»

«Вам какой „Святой Грааль“: персик или ситро?» — спросит Вас продавец, и Вы с трудом определитесь в выборе. Слишком многое слилось в звуке шипящих пузырьков: газированная вода производится по грузинским рецептам в Петербурге на мотив католического предания. И, вдобавок, какое содержимое Вам полагается потреблять из Святого Грааля?

8 Вино розовое «Исповедь грешницы»

Судя по всему, производители разделяют православные представления о грехе как о некоем извращении и уродстве. При виде вальяжной девицы, изображенной на этикетке в стиле «смесь Тулуз-Лотрека и американского рип-ап», на язык наворачивается эпитет «страшна как смертный грех».

Владимир Виноградов,
президент группы компаний ProVision, глава агентства
маркетинговых коммуникаций ProVision Communications

Я считаю, что в большинстве случаев (псевдо)божественные или демонические полутона включаются в название и философию товара с целью привлечь дополнительное внимание за счет «говорящей» этикетки. Как правило, во всех подобных случаях производитель «играет» на эмоциональном восприятии покупателя, а не пытается навязать ему свою философию или приобщить к религии.

Могу сказать, что наше агентство работает преимущественно с международными компаниями, корпоративная культура которых *a priori* предполагает, что никаких спорных или оскорбительных мотивов их бренды нести не могут. И само понятие цивилизованного бизнеса, и западные юридические нормы запрещают использование религиозных мотивов в названии товаров или в кампаниях по их продвижению.

Тот факт, что в России такие неоднозначные бренды, несмотря на общественное возмущение, продолжают появляться, говорит лишь о неотлаженном механизме контроля соответствующих общественных институтов.

В итоге нам остается надеяться только на общественное сознание покупателя. И во многом это действительно вопрос веры. Лично я считаю, что ничего подлинно демонического в напитке с названием «Red devil» нет. Это придуманная, заведомо ложная личина. Совершенно ясно, что этот продукт не более демоничен, чем божественная водка «Богородская».

Добавлю, что сегодня бренды в сознании потребителя во многом заменяют религию. Это подтверждают многочисленные исследования, согласно которым все больше людей то свободное время, которое раньше уделялось религии (посещению церкви в субботу и воскресенье) тратят нынче на шопинг и посещение торгово-развлекательных центров. И насколько наша тележка в супермаркете похожа на портативную кумирницу, зависит не от производителей, а от нас самих.

Полезные выписки из российского законодательства

Закон РФ «О товарных знаках» (статья 6, пункт 3):

«Не допускается регистрация в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы:

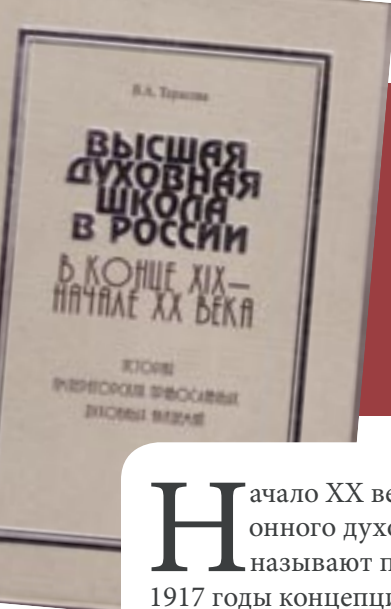
являющиеся ложными или способными ввести в заблуждение потребителя относительно товара или его изготовителя; противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали».

Федеральный закон «О рекламе» (статья 8, пункт 1):

«Неэтичной является реклама, которая:

содержит текстовую, зрительную, звуковую информацию, нарушающую общепринятые нормы гуманности и морали путем употребления оскорбительных слов, сравнений, образов в отношении расы, национальности, профессии, социальной категории, возрастной группы, пола, языка, религиозных, философских,

политических и иных убеждений физических лиц; порочит объекты искусства, составляющие национальное или мировое культурное достояние; порочит государственные символы (флаги, гербы, гимны), национальную валюту Российской Федерации или иного государства, религиозные символы; порочит какое-либо физическое или юридическое лицо, какую-либо деятельность, профессию, товар. Неэтичная реклама не допускается».

Тарасова В. А.

Высшая духовная школа в России в конце XIX — начале XX века

История императорских православных духовных академий.—
М.: Новый хронограф, 2005.—568 с.: ил.

Начало XX века в истории дореволюционного духовного образования нередко называют периодом реформ. С 1905 по 1917 годы концепцию академического образования пересматривали четыре Комиссии (в 1905, 1909, 1911 и 1917 году). Идеинная борьба, развернувшаяся вокруг вопроса академической реформы, стала своеобразным зеркалом, отразившим все многообразие проблем церковной и общественной жизни тех лет.

В исследовании автор подробно описывает организационное устройство академий и их положение в российской образовательной системе, тщательно рассматривает вопрос реформ духовного образования, а также выделяет следующие три основные идейные течения в церковно-академической среде конца XIX — начала XX века.

«Охранители» полагали, что спасение духовной школы от ветра революционных перемен возможно только при сохранении существующих принципов академического устройства.

Для «автономистов», напротив, будущее академий виделось в преобразовании их в

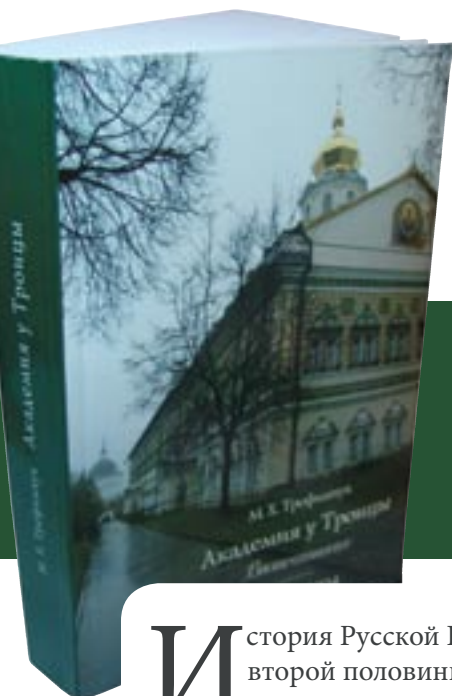
научно-исследовательские богословские центры или даже в присоединении к университетам на правах факультетов. «Автономисты» требовали освобождения школы от архиерейского контроля, введения принципа выборности всех должностных лиц и расширения прав Советов.

Третья группа церковно-академических деятелей — «неопатристы» — считали, что богослов — это не кабинетный ученый, а подвижник, осуществляющий богословие в своей жизни, они требовали удалить из академий дух светскости, проникающий в нее по вине профессорско-рационалистов.

В приложении к книге дается список преподавателей всех четырех духовных академий с краткими биографическими данными и перечнем основных научных работ. Это первый опыт составления полного списка преподавателей академий конца XIX — начала XX века.

Издание данного исследования представляется особенно актуальным, поскольку в последние годы Русская Православная Церковь реализует программу совершенствования системы высшего духовного образования, опираясь на исторический опыт духовных академий.

иеромонах Петр (Еремеев)

Трофимчук М. Х.

Академия у Троицы. Воспоминания. 1944–2004

Троице-Сергиева Лавра, 2005.—640 с.

История Русской Православной Церкви второй половины XX столетия — история подвига веры в условиях безбожного государства — и поныне остается малоизученной, а молодому «постперестроечному» поколению известна лишь по учебникам церковной истории. Наряду с публикацией рассекреченных архивных документов активно издаются воспоминания известных иерархов, очевидцев и участников церковной жизни того времени. В последние годы

вышли в свет воспоминания митрополита Питирима (Нечаева), архиепископа Василия (Кривошеина), епископа Сергия (Соколова) и его матери Н. Н. Соколовой, архимандрита Тихона (Агрикова), протоиерея Вячеслава Винникова, И. В. Шпиллера о протоиерее Всеволоде Шпиллере. Дстойное место в этом списке занимают опубликованные издательством Свято-Троицкой Сергиевой Лавры воспоминания Марка Харитоновича Трофимчука «Академия у Троицы. 1944–2004» о годах учебы и

преподавательской деятельности автора в стенах Московской духовной академии. Вся жизнь этого человека была связана с Московскими духовными школами — с момента их возрождения в послевоенные годы и вплоть до его кончины в 2004 году, поэтому изданная книга представляет собой, по сути, летопись академии. Наряду с личными воспоминаниями и портретами церковных деятелей и коллег-преподавателей приводятся данные из журналов Совета Академии и годовых отчетов Московских духовных школ, цитируются речи и проповеди Предстоятелей Русской Церкви, ректоров Академии.

Чтение скрупулезно составленной академической хроники нисколько не

утомляет читателя, поскольку автор сглаживает сухость «официоза» живыми портретными зарисовками, бытовыми сценками будней и праздников Академии. На одном дыхании читаются главы, посвященные 1940–1950-м годам, где с любовью и душевной теплотой повествуется о митрополите Пителиме (Нечаеве), архимандрите Кирилле (Павлове), архимандрите Тихоне (Агрикове) и других людях, вместе с которыми Марку Харитоновичу довелось учиться и работать.

Составленная М. Х. Трофимчуком летопись Московских духовных школ, несомненно, привлечет внимание широкого круга читателей, в особенности тех, кто интересуется историей отечественного духовного образования.

Константин Ковырзин

Архиепископ Петр (Л'Юилье) Правила первых четырех Вселенских Соборов

Авториз. пер. с франц.; под ред. прот. Владислава Цыпина.—
М.: Изд. Сретенского монастыря, 2005.— 528 с.

Архиепископ Петр (Л'Юилье) родился 3 декабря 1926 года во французской семье в Париже. После обучения в Православном богословском институте святого Дионисия (Московский Патриархат) и Школе высших наук при Сорбонне он преподавал в богословском институте, а затем на пастырских курсах при Западноевропейском экзархате.

Отец Петр начинал свое священническое служение в Париже — сначала на Трехсвятительском подворье, затем в Скорбященской церкви. В 1962 году за ряд богословских работ Московская духовная академия присвоила ему ученую степень кандидата богословия. В сентябре 1968 года он рукоположен во епископа Корсунского. Начиная с 1979 года владыка Петр — архиепископ Нью-Йоркский и Нью-Джерсийский. Ныне на покое.

В 1985 году архиепископ Петр защитил в Московской духовной академии докторскую диссертацию «Дисциплинарные труды первых четырех вселенских соборов», машинописный текст которой и взят за основу данного издания.

Как отмечает владыка Петр, принятые первыми четырьмя Вселенскими Соборами правила «составляют сердцевину церковного права на христианском Востоке до настоящего времени», причем «последующее каноническое законодательство... не привнесло каких-либо существенных изменений».

Труд владыки Петра написан в виде толкования. Вслед за небольшой исторической справкой

о каждом Соборе автор дает подробный анализ канонов, имеющих отношение к церковной дисциплине. Распространенность жанра толкования в канонической литературе епископ Петр объясняет так: «по своей приверженности преданию и несомненному юридическому формализму византийцы всячески избегали представления о выходе канонов из употребления», однако постоянное изменение обстоятельств церковно-политической, государственной и общественно-культурной жизни вызывало несомненную необходимость в церковном законотворчестве, которое и вылилось в толкования канонов — труды канонистов XII века фактически являлись официальными правовыми источниками.

Необходимость в каноническом творчестве, равно как и в толковании канонов применительно к современности существует и сегодня, поэтому труд владыки Петра приобретает в наше время особую актуальность. Действительно, как напоминает автор, для правильного понимания и адекватного применения древних канонов необходимо ясное понимание «намерения законодателя» — не только того, что именно сказал законодатель, но и того, что он имел в виду, против какого именно дисциплинарного нарушения был направлен тот или иной канон.

протоиерей Владислав Цыпин
монах Савва (Тутунов)

а преподавателю Петру Кузьмичу Грезину — звание доцента.

18 октября 2005 года

За усердные труды на ниве духовного просвещения архиепископ Верейский Евгений возвел секретаря Ученого совета МДА иерея Павла Великанова и заведующего Сектором заочного обучения иерея Сергия Маратканова в сан протоиерея.

19 октября 2005 года

Из-за острой почечной недостаточности скончался студент 3 курса Московской духовной семинарии чтец Сергей Коваленко.

Сергей родился 25 сентября 1977 года в поселке Краснополье Сумской области (Украина). В 1994 году окончил школу. С 1999 по 2002 год учился в Сумском пастырско-богословском духовном училище, по окончании которого поступил на первый курс Московской духовной семинарии. Сергей нес послушание во втором смешанном хоре, в котором он ответственно и добросовестно выполнял обязан-

62

14 октября 2005 года

В день праздника Покрова Пресвятой Богородицы состоялись торжества, посвященные 320-летию Московской духовной академии — старейшего высшего учебного заведения в России. Божественную Литургию в Покровском Академическом храме возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. За богослужением Святейший Патриарх торжественно удостоил права ношения наперсного креста сотрудников и преподавателей МДА иеромонаха Герасима (Дьячкова), иеромонаха Евфимия (Моисеева), иеромонаха Леонтия (Козлова), иеромонаха Тихона (Зимина), священника Александра Задорнова и священника Георгия Климова.

После богослужения Святейший Патриарх возглавил торжественный годичный акт, на который Академию приехали поздравить ее друзья. Прозвучали приветственные слова от представителей Санкт-Петербургской и Минской духовных школ, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного

университета. Заместитель декана Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле диакон Владимир Цуриков зачитал приветственное послание митрополита Лавра, Первоиерарха РПЦЗ. На торжественном акте доценту МДА Алексею Константиновичу Светозарскому было присуждено звание профессора,

ности уставщика. Да упокоит Господь душу раба Своего Сергия в селениях праведных. Вечная ему память!

22–24 октября 2005 года

В Санкт-Петербурге проходила международная научно-практическая конференция «Традиции древнерусского шитья и современное образование». Организатор конференции — руководитель мастерской церковной вышивки «Покров» Вера Борисовна Казарина.

На выставке современного церковного шитья, проходившей в рамках конференции, свои работы представили мастерские монастырей, храмов и учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Киева, Одессы, Минска, Жировичей. Отделение лицевого шитья при Иконописной школе МДА выставило 33 работы. Из них две новых пелены были закончены в 2005 году: покров на раку преподобного Сергия Радонежского и пелена «Голгофский крест». Все работы учащихся и выпускников нашей мастерской были отмечены дипломами.

27 октября 2005 года

По инициативе кафедры библеистики в Московской духовной академии прошла богословская научная конференция «Святоотеческая экзегетика Священного Писания». С докладами выступили преподаватели и профессора Московской духовной академии, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Института перевода Библии, Московского государственного университета, Института философии РАН.

6 ноября 2005 года

В Регентской школе при МДА состоялся музыкально-поэтический вечер, посвященный колокольному звону.

На вечере были представлены доклады по истории колокольного искусства и принципам звона. В программу концерта вошли музыкальные произведения и стихи в исполнении учащихся Регентской школы.

14–17 ноября 2005 года

В гостиничном комплексе «Даниловский» проходила международная конференция Русской Православной Церкви «Эсхатологическое учение Церкви», четвертая из серии международных богословских конференций, устраиваемых в Москве каждые два года. Открывал

зарубежья, светских ученых, маститых протоиереев, ораторов-публицистов представляли весь спектр встречающихся мнений и позиций. В завершение секционных заседаний под руководством митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла был организован круглый стол «Глобализация и эсхатология». Преподаватели и учащиеся МДА приняли самое активное участие во всех этапах работы и подготовки конференции.

18 ноября участники конференции посетили Троице-Сергиеву Лавру и Московскую духовную академию, встретились с преподавателями и

фото Дениса Матвеева

собрание Святейший Патриарх Алексий II. В заседаниях участвовали ведущие российские и зарубежные богословы, политологи, историки, философы и публицисты. Доклады представляли самые разнообразные, часто взаимоисключающие взгляды на проблемы православной эсхатологии. Выступления греческих академических богословов, священнослужителей-миссионеров, ученых клириков

студентами МДА, поделились впечатлениями о конференции, высказали свои мнения по проблемам современного богословия, а также ответили на вопросы аудитории.

2 декабря 2005 года

В день памяти святителя Филарета Московского в МДА состоялся традиционный Филаретовский вечер. После всту-

пительного слова архиепископа Верейского Евгения прозвучал доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла «Святитель Филарет и библейская традиция», а также доклады профессоров и преподавателей Московских духовных школ.

Далее состоялся концерт, подготовленный воспитанницами Регентской школы. Для учащихся выпускного класса выступление на Филаретовском вечере являлось одновременно и экзаменом по дирижерскому мастерству.

7 и 8 января 2006 года

Силами учащихся Семинарии, Регентской и Иконописной школ была проведена Рождественская елка. История о поиске настоящего христианина и рождественская сказка затронули самые светлые чувства детей и их родителей. Дети преподавателей представили свой маленький спектакль, от которого на глаза наворачивались слезы радости. Воспитанницы детского приюта при Стефано-Махрицском женском монастыре исполнили рождественские песнопения.

За два дня на празднике побывало около полутора тысяч человек.

22 января 2006 года

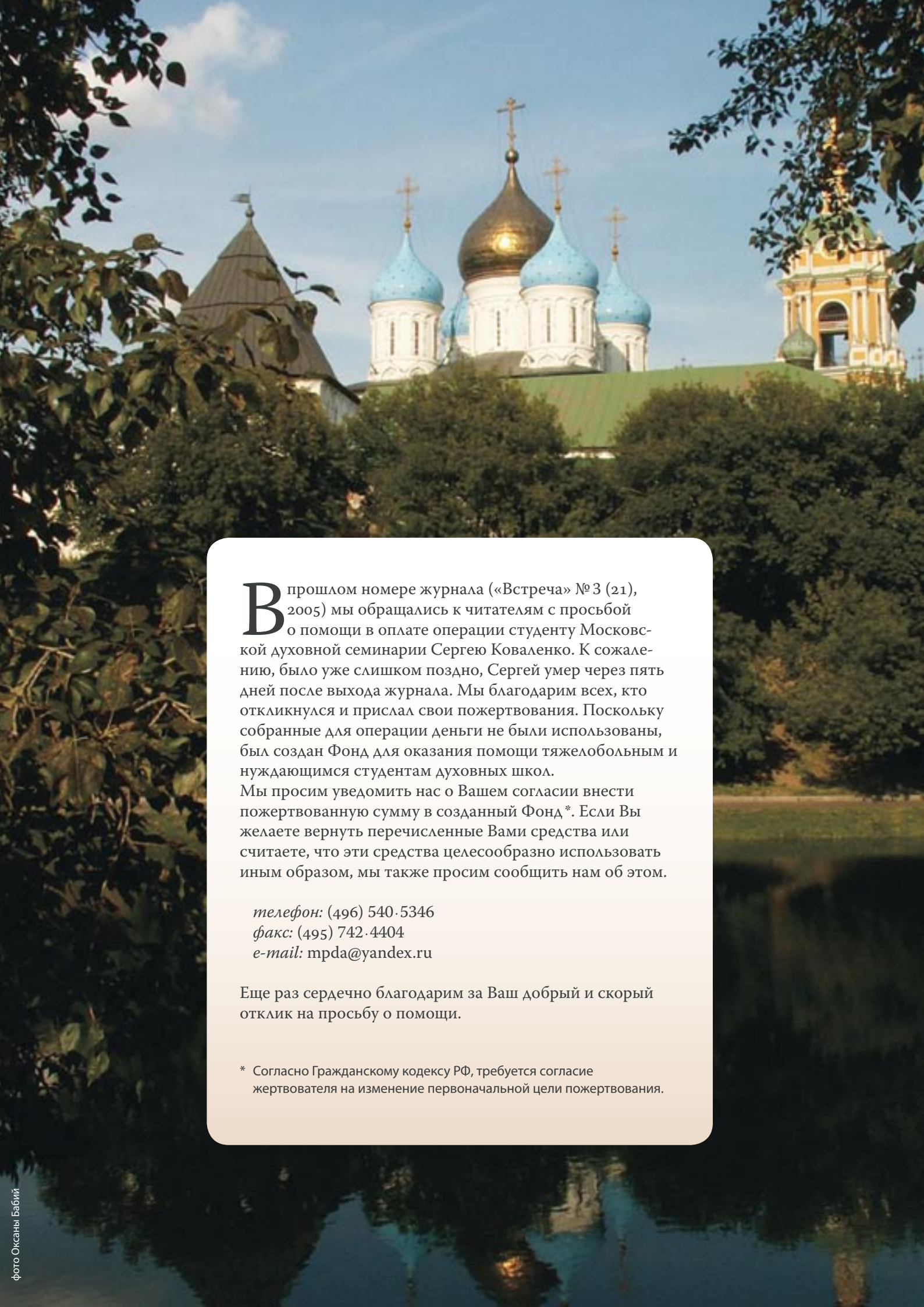
Решением Ученого Совета МДА вручен диплом доктора богословия *honoris causa* митрополиту

Черногорскому и Приморскому Амфилохию (Радовичу). Владыка Амфилохий — один из старейших архиереев Сербской Православной Церкви, трудами которого было возобновлено духовное образование и церковная жизнь в Черногории, автор многочисленных научных трудов, миссионер, публицист. После вручения диплома митрополит произнес докторскую речь на тему: «Богочеловечество как измерение воспитания, образования и становления человека».

1 февраля 2006 года

На заседании Клуба православных журналистов, проходившем в рамках XIV Международных Рождественских чтений, главный редактор православного студенческого журнала «Встреча» Петр Королев, студент 5 курса МДС, был награжден дипломом за достижения в области православной журналистики в номинации «Лучший журналист православного СМИ».

В прошлом номере журнала («Встреча» № 3 (21), 2005) мы обращались к читателям с просьбой о помощи в оплате операции студенту Московской духовной семинарии Сергею Коваленко. К сожалению, было уже слишком поздно, Сергей умер через пять дней после выхода журнала. Мы благодарим всех, кто откликнулся и прислал свои пожертвования. Поскольку собранные для операции деньги не были использованы, был создан Фонд для оказания помощи тяжелобольным и нуждающимся студентам духовных школ.

Мы просим уведомить нас о Вашем согласии внести пожертвованную сумму в созданный Фонд*. Если Вы желаете вернуть перечисленные Вами средства или считаете, что эти средства целесообразно использовать иным образом, мы также просим сообщить нам об этом.

телефон: (496) 540-5346

факс: (495) 742-4404

e-mail: mpda@yandex.ru

Еще раз сердечно благодарим за Ваш добрый и скорый отклик на просьбу о помощи.

* Согласно Гражданскому кодексу РФ, требуется согласие жертвователя на изменение первоначальной цели пожертвования.